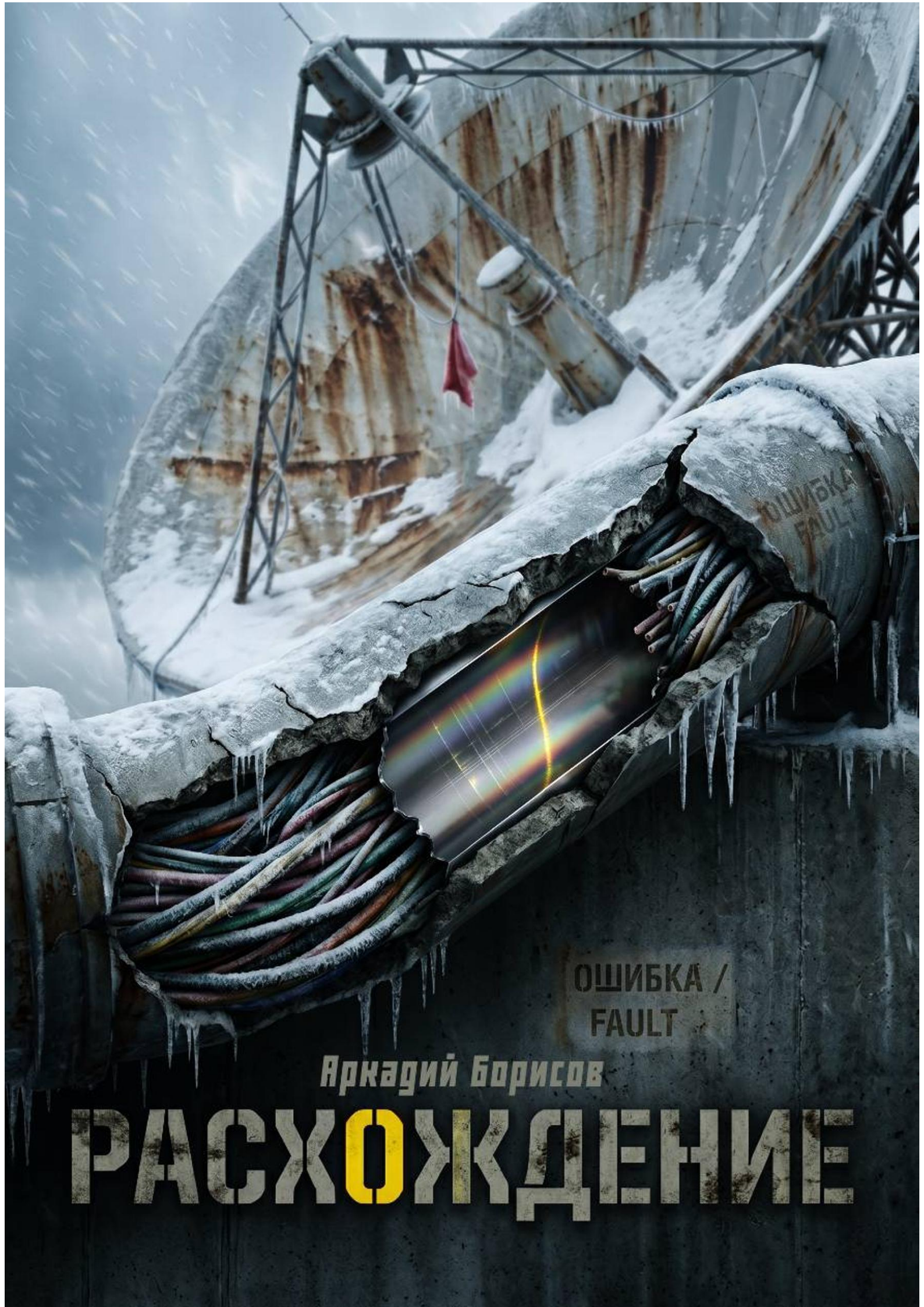

ОШИБКА /
FAULT

Аркадий Борисов

РАСХОЖДЕНИЕ

Аркадий Борисов

Расхождение

«Автор»

2026

Борисов А.

Расхождение / А. Борисов — «Автор», 2026

Шпицберген. Полярная ночь. Бетон и вечная мерзлота. На международной радарной станции двадцать человек слушают космос. Но на самом деле они давно слышат только низкочастотный гул генераторов и собственные обиды. Здесь нет первооткрывателей — только уставшие люди, отбывающие контракты. Они заперты в тесной коробке, где наука выцвела до состояния мертвой бюрократии, а ежедневная реальность — это битва за лимиты на горячую воду, сплетни и попытки выслужиться перед начальством. И именно в это вязкое, агрессивное «болото» врзается сигнал, ломающий законы физики. Межзвездная аномалия. Величайшая загадка Вселенной оказывается прямо у них перед глазами. Чтобы зафиксировать и понять её, станции нужно сделать лишь одно: начать работать как единый механизм. Объединить данные, открыть серверы и поверить друг другу. Но способны ли люди, с головой погрязшие в паранойе, личных долгах и взаимной ненависти, оторвать взгляд от своих карьерных интриг и посмотреть на звезды?

© Борисов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОЛУДЕННЫЙ АЗИМУТ	5
Глава 1. Трансфер	5
Глава 2. Поправка на рефракцию	12
Глава 3. Первая суббота	19
Глава 4. Квартальный	25
Интерлюдия. Ночная вахта	31
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТЕСНО	35
Глава 5. Первый снег в коридоре	35
Глава 6. Сломалась посудомойка	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Расхождение

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОЛУДЕННЫЙ АЗИМУТ

Глава 1. Трансфер

Вертолёт шёл низко под серой ватой, и по самой её нижней кромке ещё тянулись последние красные жилки — оттуда, из того сектора горизонта, где за облаком должно было оседать уходящее солнце. Иллюминаторы держали капли; не дождевые — тонкие, вытянутые, те, что собирает туман, когда машина ныряет в низкий облачный слой и снова выныривает. Капли склеивались в косые дорожки и соскальзывали, и в каждую открывшуюся прорезь Елена пробовала поймать землю.

Винт над головой работал не так, как в кино. Никакого басового ровного гула — дробное переменчивое жужжание, и на каждый порыв ветра оно ломалось, уходило вбок, возвращалось. Елена сидела у правого окна, и каждый такой уход отдавался у неё в кости за ухом.

Пилот был норвежец — шлем с синим логотипом Lufttransport, лица из её кресла не разглядеть. Он говорил в эфир на смеси норвежского и диспетчерского английского, и из наушников второго пилота, подключённых к тому же каналу, пробивалось металлическое эхо. В пассажирском салоне, кроме Елены, были двое: Чжан — через проход, через два пустых кресла, — и ящик с маркировкой ESA, пристёгнутый к полу грузовыми ремнями. Сбоку, от руки синим фломастером: «FRAGILE — OPTICS».

Куртка на Елене была чужая. Она одолжила её у Ани в Осло на последнюю ночь и не успела вернуть: утренний рейс ушёл на час раньше обещанного, и Аня не стала гнаться по пробкам в аэропорт, а просто передала через стойку информации короткую записку: «Верни на ротации, не спеши». Куртка была на размер больше и пахла сухой лавандой и стиральным порошком Ани; запах нагревался от собственного тепла Елены и становился отчётливее каждые полчаса. Елена решила, что в первую же ночь на станции постирает куртку — пусть к ротации она вернётся к Ане без её, Елениного, запаха.

На коленях лежал рюкзак, и в нём — ноутбук, зарядник, блокнот, две смены белья и жестяная банка растворимого кофе. Банку мать впихнула ей перед стойкой регистрации в Шереметьеве тем самым нервным жестом, каким когда-то засовывала в её портфель бутерброды в первый класс, — не слушая возражений, не оставляя времени на отказ. Елена тогда и не отказалась. Спорить в шереметьевской очереди с матерью, у которой уже сходил утренний макияж, было так же бессмысленно, как в семь лет возвращать бутерброды.

Рюкзак давил на бёдра. Елена подтянула лямку, и та врезалась в палец. Правая рука мёрзла ещё с Тромсё, где они простояли сорок минут на бетоне под снежной крупой, пока Lufttransport дозаправлялся; пальцы так и не отошли. Она сжала и разжала кулак, чтобы прогнать кровь.

Чжан сидел через проход в чёрном пуховике. Капюшон был опущен, в правом ухе — вкладыш наушника, от него под пуховик уходил тонкий провод; что-то ритмичное шло ему в ухо, неслышное за грохотом винта, но по тому, как Чжан едва-едва отбивал указательным пальцем по подлокотнику, угадывался темп — быстрый, не-арктический, явно не то, что должно сопровождать снижение над сентябрьским плато. В профиль он казался моложе себя лет на пять: щека ещё мальчишеская, подбородок мягкий, возрастом не налитый. В фас его старило другое — большая квадратная оправа очков, съедавшая половину лица и наспех добавлявшая лишних лет. Он не смотрел ни в её сторону, ни в пилотскую кабину — только в свой иллюминатор, на тот борт, где земля уходила иначе.

Под ковром облаков то проступала, то уходила тёмная земля. Снег лежал пятнами — август ещё не отпустил. Между пятнами тянулись чёрные жилы ручьёв и проток: вода была теплее воздуха, и снег у воды не держался. В одной такой низине Елена увидела светлое пятнышко и успела подумать «олень»; пятнышко не двигалось, и через секунду она поняла — камень. И поставила себе мысленный минус: на новом месте всегда сначала видишь то, что хочется.

Пилот что-то сказал в эфир, повернул шлем к ним через плечо и показал три пальца. Три минуты. Елена кивнула, хотя не была уверена, что он видит её сквозь забрало; Чжан в ответ поднял большой палец — сухо, чётко, как поднимают стакан за тост. Машина пошла круто вниз с правым креном; ремни прижали Елену к стенке, рюкзак сполз с колен и ткнулся в икру. Где-то под полом загудел гидропривод шасси, и тут же отозвался сухой металлический щелчок. Иллюминаторы посветлели. Облако кончилось.

Внизу лежало плато.

Оно шло ровным столом от обрыва к обрыву, и по его середине, вдоль грунтовой дороги, стояли радомы — шесть белых сфер разного калибра, похожих на гигантские пинг-понговые шары, которые кто-то поставил в ряд и забыл подобрать. От самого дальнего тянулась в небо ажурная мачта. Ближе к краю плато лежало низкое прямоугольное строение в два этажа, серое, с рыжей полосой по фасаду и с узкой вертолётной площадкой, обведённой красными огнями. У края площадки стоял человек в ярко-оранжевом комбинезоне и в наушниках-протекторах. Он махал обеими руками — короткими, сильными, — как дирижёр, ведущий оркестр к последнему такту.

Машина села с лёгким двойным ударом: передние опоры коснулись первыми, задние с долей секунды опоздания. Винт пошёл на сброс. Оранжевый подбежал, не опуская рук, пригнулся и прошёл под лопастями привычно, как проходят под низкой веткой, и ударил ладонью в борт — разрешая открывать. Второй пилот открыл дверь изнутри, и в салон вошёл воздух.

Минус четыре снаружи и двенадцать метров в секунду Елена знала по сводке, но сводка давала цифру. Воздух дал другое: он вошёл не холодом — пощёчиной сразу с двух сторон, слева от двери, справа от сквозняка, закрученного лопастями, — и отнял у неё выдох, который она не успела сделать. В носу зашипало, в горле встала колючая сухость, глаза заслезились; по щеке прошла горячая полоса и остыла, и кожа под ней сделалась ледяной. Чжан рядом охнул коротким английским «oh» и дёрнул капюшон так быстро, словно боялся, что ветер унесёт и его.

— Bags! — крикнул оранжевый, перегнувшись через порог, и выставил обе ладони. — Давай, давай!

Елена подала ему рюкзак. Он перехватил, забросил через плечо на бетон площадки и протянул ей руку. Рукавица была толстая, горячая внутри, и захват — отчётливый, без лишнего. Елена шагнула вниз, попала ногой не туда, куда целила, скользнула — рукавица не дала упасть.

— Careful, — сказал он. — Ice patch. Лёд.

Он говорил слова парами — сначала по-английски, потом, сразу, по-русски; так у него выходило всё на площадке, на автомате. Елена успела разглядеть его лицо: красное от ветра, с выгоревшими бровями, с тонкой белой полоской шрама над верхней губой — не свежей, давней. Свен, прочитала она через секунду на нашивке: «S. Naagen».

Чжан спрыгнул сам. Руки Свена не принял. Приземлился тяжело, осел на колени, удержался и выпрямился; вкладыш наушника выпал у него из уха — Чжан поймал его на уровне пояса, жестом быстрым и затёртым, как будто ловит его в сотый раз. Из вертолёта пилот подал вниз ящик с оптикой; Свен принял обеими руками и понёс сразу к стене, подальше от винта.

— Идём, идём, — сказал он через плечо. — От винта — туда. Прямо, не оборачиваясь. Понятно?

— Понятно, — сказала Елена.

Чжан уже шёл пригнувшись, чуть впереди неё. Бетон под подошвами был шершавый, с вкраплениями чёрной резины; местами, где только что рассыпали соль, скрипело мельче и иначе. Ветер бил в левую щёку и пах чем-то непонятным; Елена не определила сразу и оставила себе на минуту. Через минуту, уже в вестибюле, она поняла — холодный камень и свежий керосин, ещё не выжженный двигателем.

Дверь вестибюля открылась им навстречу изнутри, её толкнули и придержали. Их втянуло в тёплое, в сухое, в свет.

* * *

Вестибюль был шлюзовый, узкий, с двумя дверями одна за другой — чтобы мороз не шёл в коридор. Между дверями у стены висел металлический поручень; под поручнем — лакированная светлая скамья с выгоревшими пятнами, на скамье — ровным рядом ботинки и две пары валенок с галошами. На стене крючки для одежды, под крючками — тёмная плёнка от растаявшего чужого снега. Пахло керосином от нагретой куртки и чем-то ещё, очень домашним: свежим хлебом, сквозь двойные двери.

Их встретили двое.

Первым — невысокий, рыжеватый, с выпцветшим веснушчатый лицом, в синей флисовой кофте поверх тёмной рубашки. Ларс. Елена узнала его за полсекунды — с сайта станции; и ещё потому, что он сразу улыбнулся — не широко, только углами глаз, — и эта улыбка тоже была с сайта.

— Welcome to Platåberget, — сказал он. И сразу, почти без паузы, по-русски, с очень аккуратным ударением: — У вас меньше веса за плечами, чем я ожидал. Хорошо.

— Остальное идёт морем, — сказала Елена. — Через две недели.

— Через три. Судно из Тромсё задерживается. Мы писали вчера, но ты была уже в Осло.

— Значит, через три.

— Да. Ничего страшного.

Второй стоял вполоборота, прислонясь плечом к стене. Высокий, в сером рабочем свитере с ручной вязкой в косу; свитер был заштопан на локте, и штопка — не очень аккуратная, серо-коричневой шерстью другого тона, будто штопали в дороге, а возвращаться переделывать не стали. Руки он не протянул. Кивнул.

— Виктор Ильич, — сказал он. — Самойлов. Я по русской группе.

— Елена.

— Рудых.

Он произнёс её фамилию коротко, без нажима, и Елена поняла: Виктор знал её раньше, чем увидел. И, кажется, знал хорошо.

Чжан опустил рюкзак к ноге. Из-под сдвинутого назад капюшона торчал провод.

— Zhang Yuan, — сказал он. — Нанкин. Работал у Ли Вэйчжоу.

— Ли ждёт, — сказал Ларс. — Он не в столовой. Ли редко в столовой, когда должен быть. Найдём. Хорошо.

В эту секунду за второй, ещё закрытой дверью, в дальнем конце коридора, что-то со звоном упало. Металл о кафель, с отскоком — не тяжёлое, но звонкое. Следом донёсся короткий женский смех: он был не над упавшим — над собой. Смех был с акцентом — восточноафриканским, чего Елена ещё не знала.

— Айша, — сказал Ларс, не оборачиваясь. — Кастрюля.

— Сегодня вторник, — сказал Виктор.

Он сказал это без иронии, как констатируют порядок недели. Ларс усмехнулся углом рта.

— Пошли.

Он открыл вторую дверь, и из коридора вышло тепло — плотнее, чем в вестибюле, с запахом вчерашнего ужина, с ноткой пропаренного лука, с ровным фоновым гулом вентиля-

ции. Коридор был длинный, линолеум цвета топлёного молока, вдоль стен — пробковые доски; на ближайшей висели график дежурств, прогноз погоды на трое суток и лист «Lost and found» с одинокой чёрной перчаткой, у которой был отрезан указательный палец.

Виктор взял у Елены сумку с плеча молча, не спрашивая. Елена хотела возразить и не успела: Виктор уже шёл впереди. Чжан пошёл последним, оглядываясь на каждом шагу, — запоминал дорогу и двери.

Из третьей двери слева вышел, не поздоровавшись, крупный мужчина в клетчатой рубашке, застёгнутой до самого горла. В одной руке у него была кружка, под мышкой — книга в твёрдом переплёте, с закладкой на трети, на английском. Елена успела прочесть на корешке слово «Atmospheric» в длинном названии. Мужчина слегка наклонил голову в их сторону — не поклон, не приветствие, нечто функциональное, как у привратника, отметившего входящих и вернувшегося к своему.

— Кларенс Уайтфилд, — сказал Ларс Елене вполголоса. — NOAA. Ворчит, но справедлив.

— Я не ворчу, — отозвался Кларенс, не оборачиваясь и не замедляя шага. — Я напоминаю.

— Напоминает, — поправил себя Ларс. — Каждую среду.

— Сегодня вторник, — сказал Кларенс через плечо и скрылся за поворотом.

Где-то ещё дальше, за закрытой дверью, пошла раскруткой стиральная машина — низкий глухой гул.

* * *

Общая зона открылась справа — большое помещение с длинным столом на двенадцать человек, с раздаткой в углу и тремя окнами на плато. За окнами шли сумерки, ещё светлые: тот поздний август Шпицбергена, когда солнце садится низко, но не уходит за горизонт до двух часов ночи. Над плоской серой полосой облаков висела длинная розовая — освещённая изнанка того же фронта, под которым вертолёт только что прошёл. Ближний рядом А1 стоял на её фоне как большой фарфоровый зуб.

Горел верхний свет. Первое, что увидела Елена, — Мэри, сидевшую с ноутбуком за дальним концом стола: тёмные волосы собраны в тугой узел, серая толстовка с логотипом JPL, кружка сбоку. На сайте у Мэри волосы были распущены; Елена узнала её со второго взгляда.

У раздатки, ссутулившись над плитой, стоял молодой человек с тёмной кожей и высокими скулами — аккуратно ставил на конфорку алюминиевую кастрюлю. Видно было, что он её только что поднял и теперь пробует дно — не треснуло ли.

— Ксавьер, — сказал Ларс Елене вполголоса. — Бразилия. По ротации с марта.

— Olá, — сказал Ксавьер, не отрываясь от плиты. — Ходить с этой стороны — не советую. Скользко. Ещё десять минут.

Голос у него был тихий, мягкий, с португальскими «ш» на месте «с» — так, что «скользко» выходило с шёпотом на шипящих.

Рядом с плитой на корточках сидела женщина, тоже смуглая, в оранжевом фартуке поверх тёмно-синего свитера. Она собирала с кафеля сухие макароны, по одной, не спеша. Когда наконец подняла голову, Елена увидела лицо: круглое, с коротко стриженными волосами, с длинным, почти смеющимся разрезом глаз.

— Aisha, — сказала она, не вставая. — Я сегодня — уборщица. Извиняюсь.

По-русски у неё получилось чуть ровнее, чем она, кажется, сама ожидала, и поэтому Айша тут же улыбнулась — быстро, на всякий случай. Елена слышала этот смех из-за двери. Теперь он обрёл лицо.

— Каждый вторник, — сказал Ларс.

— Ларс, я нашла только половину, — ответила Айша, не отвечая на «каждый вторник». — Другая — под плитой.

— Оставим под плитой. Будет сюрприз следующему дежурному.

— Следующий — Кларенс.

Ларс подумал секунду.

— Тогда соберём.

Айша опустила глаза обратно к кафелю, и Елене показалось, что у неё на мгновение дёрнулся угол губ — мелкой досадой, которой секундой раньше на её лице не было: собирать макароны дважды она не любила. Собирала всё равно.

Четвёртый стоял у окна спиной ко всем — невысокий, плотный, в толстом шерстяном свитере, руки заложены на поясицу. Он обернулся, когда Ларс пропустил Елену и Чжана внутрь, и заговорил по-английски, с отчётливым русским акцентом, которого скрывать не соби-
рался:

— One woman from Moscow. One engineer from Nanjing. One box. Good haul.

— Павел, — сказал Виктор по-русски. — Помоги с вещами.

— Помогаю уже.

Павел подошёл, не меняя в лице ни одной линии, и забрал у Виктора Еленину сумку. Поднял её одной рукой — привычно, без усилия. На тыльной стороне его правой кисти Елена увидела длинную, неровную полосу свежей царапины, как от стальной кромки; Павел заметил её взгляд — не быстро, не медленно — и кисть, не поворачивая, отвёл в сторону, к бедру.

— Которая каюта? — спросил он, уже в коридоре.

— Седьмая, — крикнул Ларс. — Где жил Трюгвасон.

— Понял.

Шаги Павла ушли в глубину.

Мэри оторвалась от экрана.

— Ты, наверное, голодная, — сказала она Елене.

По-русски Мэри говорила с заметным акцентом — мягкие звучали твёрже, чем надо, — но грамматически ровно, как будто учила русский не на улице, а по учебнику.

— Ужин через полчаса. Если раньше нужно — в холодильнике сыр. Пожалуйста, тебе.

«Пожалуйста, тебе» Елена отметила про себя как калькирование и чуть улыбнулась; Мэри, увидев улыбку, вернулась к клавиатуре, удовлетворённая тем, что её поняли.

— Я — Мэри.

— Я знаю.

— Виктор про тебя много говорил.

— Это плохо? — сказала Елена.

— Это много.

Мэри не подняла глаз от экрана, когда это сказала. Печатала она быстро — двумя руками, с той беглостью, какая бывает у человека, которому неудобно остановиться.

Чжан, всё это время стоявший у двери, наконец шагнул внутрь, поставил рюкзак на стул и поклонился — быстро, коротко, не зная, кому именно. Мэри едва подняла бровь, и Чжан это поймал. Он выпрямился, снял второй вкладыш наушника и спрятал в карман.

— Zhang Yuan, — сказал он. — I can help with macaroni.

Без артикля — так, как он говорил иногда, когда не успевал подумать. Айша улыбнулась снизу, и улыбка её на секунду перестала быть защитной.

— Не надо. Садись. Ужин через полчаса. Ты похож на человека, который последний раз ел в Тромсё.

— В Осло, — сказал Чжан.

— Тогда тем более.

В эту секунду дверь за левым плечом Елены приоткрылась, и в общую зону, не входя, заглянула худая женщина с высоким лбом и собранными в низкий хвост чёрными волосами.

В одной руке у неё был термос. Она ничего не сказала, только посмотрела на Ларса, увидела новых, коротко кивнула и вышла — так же, как вошла.

— Сюй Мэй, — сказал Ларс. — Операторская. Утром проснётся — познакомьтесь.

— Она спит?

— Пока ещё нет. Поспит часа два, вернётся. У неё ночь была длинная.

«Длинная ночь» — Елена отметила это про себя. У оператора долгая ночь означает, что в небе что-то шло дольше обычного.

Мэри закрыла ноутбук и встала. Под толстовкой у неё была простая чёрная рубашка, и ткань на плечах сидела так, что Елена увидела: утром эту рубашку гладили. Гладили здесь, в каюте, с полярным напряжением в сети, с риском, что к ужину рукав уже попадёт в соус. Мэри подошла, протянула руку. Ладонь была тёплая, сухая, с коротко остриженными ногтями без лака.

— Рада, что приехала, — сказала она. — Серьёзно.

* * *

В коридоре навстречу им из жилого блока шёл ещё один человек — худой, с прямой спиной, с короткой тёмной стрижкой и со стопкой полотенец под мышкой. Полотенца пахли прачечным кондиционером — сладко, не по-полярному. Он прошёл мимо, не поздоровавшись, только кивнул Виктору.

— Киро, — сказал Виктор Елене вполголоса, когда тот удалился. — Японский наблюдатель. По ротации давно, ведёт себя как гость. Гостит уже год. Привыкай.

— Привыкну, — сказала Елена, и сама не поняла, зачем это сказала: зачем обещает незнакомому человеку, что привыкнет к третьему, тоже незнакомому.

На третьем повороте коридор сделал колено, и за поворотом, с правой стороны, оказалась седьмая каюта. Ларс остановился у двери, достал из кармана металлический ключ на простом шнурке, вложил в замок и повернул. Замок поддался не сразу — сперва заскрипел, потом щёлкнул.

— Замок иногда заливает, — сказал Ларс. — Попросим Павла.

— Не надо. Сама справлюсь.

Она сказала это ровно, но чуть резче, чем собиралась, и резкость осталась в воздухе. Ларс посмотрел на неё коротко, внимательно, без улыбки, и, кажется, не удивился.

— Сама — хорошо, — сказал он. И открыл дверь.

В комнате пахло чужим. Не плохо, не хорошо — чужим. В запахе было чужое мыло, чужая стирка, тонкий застарелый след морской соли от свитеров — Трюггвасон, метеоролог из Тромсё, между сменами уходил рыбачить в фьорд, и его свитера держали лодочный воздух даже после долгого отсутствия. И под всем этим — едва ощутимое, что Елена определила бы как «здесь кто-то жил долго».

Каюта была маленькая. Койка у правой стены, стол у окна, шкаф у левой. Над столом полка с книгами; корешки — на норвежском. Настольная лампа с зелёным стеклянным абажуром, старая, с отколотым краем. Елена опустила рюкзак на пол, присела и увидела под койкой аккуратно сложенную стопку журналов в плёнке. На верхнем синими буквами шло: Fiske på Svalbard, № 4, 2016.

Она выпрямилась. Ларс стоял в дверях.

— Трюггвасон говорил: вернётся к весне, — сказал он. — Если будут мешать — перенеси в шкаф.

— Пусть лежат.

— Хорошо.

Он вышел, не закрывая дверь. В коридоре Павел ставил сумку к стене, молча. Ларс сказал ему что-то по-норвежски — Елена разобрала только «sju», семь. Павел ответил одним словом,

тоже по-норвежски, с не-норвежским ударением на первом слоге — с русским, вероятно, но в норвежском Елена не разбиралась настолько, чтобы судить.

Елена осталась стоять посреди комнаты, так и не сняв куртки. Окно было узкое, с двойным остеклением, и снаружи в углу собрались мелкие ледяные иглы, похожие на перья ошипанной птицы. За стеклом было плато: тёмный стол, на котором стояли и ждали непонятно чего белые шары радомов. За плато — обрыв. За обрывом — фьорд, которого отсюда не было видно. Где-то у кромки воды, очень далеко, теплился жёлтый свет норвежского порта; его разбавленный отсвет шёл по низкой облачности, как след от пальца по запотевшему стеклу.

Елена сняла куртку и повесила на крючок за дверь. Лавандовый запах ушёл вместе с тканью, и в каюте устоялся запах чужого Трюгтвасона — к нему теперь прибавлялся её собственный, едва слышный, ещё не вошедший в силу, но уже начинавший занимать свой угол.

Из коридора пахло сильнее — жареным чесноком. Где-то далеко, в другом крыле, кто-то постучал в дверь — один раз, отчётливо, вежливо, так, как стучат люди, не желающие поднимать весь коридор. За стеной у Елены, в соседней каюте, кто-то осторожно поставил книгу на полку; корешок мягко ударился о другой корешок, и полка выдохнула.

Елена села на койку. Старая пружина пискнула.

— Ну, — сказала она вслух.

Ей никто не ответил. Но теперь она знала, что за тонкой перегородкой действительно живёт кто-то — такой же, как она, приехавший сюда с банкой растворимого кофе от матери, со стопкой статей и с твёрдым намерением не становиться здесь меньше, чем была несколько часов назад в аэропорту Тромсё.

Она расстегнула верхний карман рюкзака и достала ноутбук.

На плато шёл снег.

Глава 2. Поправка на рефракцию

В операторской было двадцать один и три — Сюй Мэй знала это не по термометру, а по тому, как стыли пальцы к утру, если сидеть без кофты. Она пришла в половине двенадцатого. Джош поднял ладонь, сказал «all yours» и ушёл, оставив на столе банку из-под Monster, положенную набор, и распечатку каталога, свёрнутую трубкой. Свернуть и оставить — его жест: он знал, что разворачивать будет не он.

Сюй Мэй расправила лист и прижала углы четырьмя подручными: степлером, пиалой с синим карпом из Нанкина, коробочкой для скрепок и чужой кружкой, которую Джош забыл унести. На полях каталога он проставил семнадцать галочек и одну восклицательную — напротив геостационара, у которого слежение ушло на девять секунд. Восклицательная была с нажимом: ручка продавila бумагу. Сюй Мэй провела по выпуклости ногтём и дописывать не стала. Сбой уже был в системном журнале. Вторая запись обошлась бы ей тремя днями холодного Джоша за завтраком.

Она включила свой дорожный чайник — тот, что подарил отец в тринадцатом году, ещё до болезни, — и, пока шипело, открыла на главном мониторе карту неба. Тянулись три жёлтые дорожки, спутники НОАА; по периметру ждали серые точки. Карта была плоская, в экваториальных координатах, с сеткой градусов. От сферы китайских астрономов отучили в шестнадцатом веке, когда до них добрались голландские глобусы. До Сюй Мэй не добрались: она любила плоское небо.

Чайник щёлкнул. Она достала керамическую пачку «Цимэнь», отщипнула щепоть пальцами — ложкой бабушка не пользовалась — и бросила в пиалу. Залила. Три листика поднялись, один остался на поверхности и не утонул.

Этажом ниже хлопнула дверь, гулко, с отзвуком. Кто-то прошёл по линолеуму — пяткой и сразу на свод стопы, без промежуточного переката. Не Мэри: Мэри шла тяжелее, всем пяточным весом. Не Елена: Елена ещё не запомнила маршруты, шла бы короче и с остановками. Павел, решила Сюй Мэй. Шаги ушли в сторону серверной и стихли.

Она отпила. Чай пах солёной древесиной — цимэнь всегда пах этим после третьей зимы хранения. На мониторе мигнуло окно автоматки: NEW OBJECTS — 27.

Сюй Мэй открыла.

Девятнадцать были распознаны штатно: обломки, известные астероиды по базе Minor Planet Center, плановые запуски с Байконура и Куру. Восемь остались под уточнение. Она открыла первый.

#2247-SV.

Обнаружен десять суток назад оптическим телескопом станции — восьмидесятисантиметровым Ричи-Кретьеном в малом куполе за АЗ, на вечернем проходе. Тогда его пометили «уточнить» и отправили в хвост очереди: те десять суток шла калибровка Ка-тракта на А2, и оптика стояла. Вчера калибровку закрыли. Объект вернулся в работу.

Сюй Мэй открыла астрометрию. Четыре точки за десять дней: две — с оптики станции, две — с подстанции в Тромсё, подхватившей по автоматическому запросу. Пересчёт орбиты раз в сутки. Эксцентриситет шёл вверх от точки к точке, в третьем знаке после запятой, но упорно.

Последнее значение: единица целых, сто двадцать три тысячных.

Она посмотрела на цифру дольше, чем собиралась. Единица — гипербола: объект не связан с Солнцем, пришёл снаружи и уйдёт дальше. Может быть. А может, и нет: у четырёх точек низкий горизонт — Мэри осенью проводила семинар про рефракцию в арктических атмосферах; на малой высоте свет изгибается сильнее, чем предсказывают табличные модели, и единица целых сто двадцать три тысячных в таком раскладе превращалась в ноль целых

девятьсот девяносто восемь. Не гость из-за звёзд — хвост обычной кометы, которая у Солнца повернёт.

Сюй Мэй подняла третий монитор, график высот. Все четыре точки — ниже двадцати градусов. Три — ниже пятнадцати. Рефракция была возможна. Может, даже вероятна.

Она прикусила нижнюю губу и написала в чат «астрометрия» — пять имён, Ларс, Мэри, Ли Вэйчжоу, Виктор и она сама:

2247-SV: эксцентриситет по последнему пересчёту > 1 , все точки — низкий горизонт. Возможен рефракционный артефакт. Рекомендую добавить к оптическому расписанию две точки на нормальной высоте. Если подтвердится — уточнить.

Отправила. Закрыла чат. В вентиляционной шахте над потолком тикнул клапан — он тикал каждые двадцать минут. Снаружи, в темноте за двойным остеклением, шёл редкий снег; он не падал, а висел в воздухе, и только пересечение с жёлтым конусом от фонаря у входной двери выдавало, что он всё же движется.

Сюй Мэй подошла к окну. А1 гнала по НОАА-21 под углом пятьдесят четыре градуса. А2 — опущена в ждущее. А3 в дальнем углу видна была только по красному габаритному фонарю на вершине радома. В детстве дед по отцу, ещё заставший деревню в Сычуани, собирал дождевики на росных утренних полях: грибы светились бледно-серым. Радомы светились бледно-жёлтым под натриевой лампой. Разница была в цвете и в том, что грибы ел дед, а радомы ела станция.

На экране мигнуло. Ответ.

Джош:

Starlink, наверное.

Сюй Мэй посмотрела на реплику секунду. Starlink шёл по низкой круговой орбите — эксцентриситет ноль целых ноль. Такой ответ означал, что Джош не посмотрел. Она набрала в личный:

$e = 1.123$.

Отправила и закрыла окно. Джош либо поймёт и промолчит, либо не ответит никогда.

* * *

Дверь приоткрылась медленно, с двойным скрипом петли на первых градусах. Так открывала только Нина.

— Ты не спишь?

— Не сплю.

Нина вошла в тёмно-сером спортивном, с планшетом в руке; экран у планшета был треснут по диагонали третий месяц — замена шла из Москвы, а посылки из Москвы задерживались всегда. Она подошла к раздаточному столу и налила воды из графина.

— Я хотела посмотреть, какие окна свободны к утру. Ты вчера просила пересчитать pipeline на астероиды пояса — собиралась запустить под рассвет.

— Рассвета сегодня не будет. А-один до шести. А-два стоит. А-три включи, если хочешь, но там с четверга на приводе что-то подвывает; Павел утром посмотрит.

— Мне не антенна нужна, а процессор. Запущу с ноутбука у себя в каюте.

— Запускай.

Нина поставила стакан и не ушла. Подошла сзади, посмотрела через плечо на экран. Глаза у неё сработали раньше, чем вежливость: чужие мониторы Нина специально не читала, но от двери попадала ровно в ту точку, где экран уже был открыт, и останавливать глаза становилось поздно.

— Две двести сорок семь, — прочла она. — Рефракция?

— Может быть.

— Сколько точек?

— Четыре. Все ниже двадцати. Три — ниже пятнадцати.

Нина помолчала секунд пять — такая у неё была пауза, и Сюй Мэй это ценила: чужие вопросы у большинства людей наезжали на предыдущий ответ и не давали ему встать.

— Эксцентриситет.

— Единица сто двадцать три.

— Гипербола.

— Если точки правильные.

Нина стояла на полшага ближе, чем допускала ночная вежливость. Поза была помогающая, хотя помогать она не собиралась — смена не её.

— Виктор в курсе?

— Я ему написала. Всем пятерым.

— Ответит?

— Мэри — да, утром. Ли — сегодня, если не спит. Виктор...

Сюй Мэй не закончила. Виктор третий день отвечал на служебные чаты с запаздыванием в восемь-двенадцать часов. Для него это было ненормально: у него был отлажен ритм — утренний брифинг, две проверки почты, вечерняя сводка, — и сбивался ритм редко. В апреле сорвался, когда у его дочери в Берлине был перелом ключицы: тогда Виктор трое суток ходил с полужаряженным телефоном, пока не доехал до Осло и не поговорил голосом. Сейчас в Берлине, насколько Сюй Мэй знала, ничего не ломалось. Значит, ломалось другое.

— Позвонит сам, — сказала Нина. — Если что.

Она сказала это тем ровным голосом, каким говорят о людях, которых знают давно и перед которыми не хотят быть должниками в предсказании.

Нина допила воду и поставила стакан на раздаточный стол вверх дном: стационарный знак «чистый, бери, не мой». Пошла к двери.

— Сюй Мэй.

— Что?

— Если окажется, что это не артефакт.

Нина не закончила. Она редко заканчивала, когда и без конца было ясно. Сюй Мэй кивнула. Нина вышла, петля скрипнула дважды.

* * *

В восемь ноль две собрались в общей. Две минуты задержки Кларенс вписал в тетрадь, как вписывал каждое утро, — без комментария. Ингрид стояла у стола с ноутбуком, в тёмно-синем полярном флисе, и в волосах у неё над ухом таяло облачко снега, не дошедшего до пола. Сквозь двойное остекление шёл гул ветра; снежный заряд лёг на плато косо, как карандашная штриховка.

Сюй Мэй сидела справа с пустой пиалой. Рядом — Мэри, в голубой рубашке под той же серой толстовкой, что вчера. Виктор стоял у окна боком к столу, с пустой кружкой. Кларенс держал кофейник. Чжан расстегнул пуховик, но не снял — его привычка: снимает, только когда собрание закончилось. Ксавьер в бордовом свитере под горло крутил между пальцами шариковую ручку. Айша пришла последней, с распечаткой в руке, волосы в коротком хвостике.

Елена задержалась у порога. Ингрид показала подбородком на свободный стул рядом с Виктором. Елена села. Виктор не обернулся, только сдвинул кружку, чтобы освободить ей место под локоть.

— Начнём, — сказала Ингрид. — Сюй Мэй.

Сюй Мэй открыла блокнот. Ноутбук перед ней был открыт, но служил справочником: на бумаге, утверждала она, цифры держатся лучше.

— Ночь штатная. Четырнадцать проходов, все четырнадцать. В три восемнадцать — сбой слежения А-один, девять секунд, самовосстановление, в логе есть. Новых объектов двадцать семь автоматически, восемь под уточнение. Из восьми, — она подняла глаза от блокнота, — один стоит взгляда. Две двести сорок семь.

Ксавьер перестал крутить ручку. Мэри подняла глаза от кружки.

— Десятидневная находка. Астрометрия по четырём точкам. Эксцентриситет по последнему пересчёту больше единицы. Все четыре — на низком горизонте, ниже двадцати. Возможно, рефракция. Вчера писала в чат.

— Рефракционный — в какую сторону? — спросила Мэри.

— В ту сторону, в какую удобнее, — сказал Виктор, не оборачиваясь от окна. — Всегда в ту сторону, в какую удобнее.

— То есть ты считаешь — артефакт.

— Я не считаю. Я жду данных.

— Но «в какую удобнее» — это, прости, значит...

— Я сказал: в какую удобнее. Кому — не уточнял.

Мэри положила ладонь на кружку сверху. Тёплый фарфор под ладонью давал ей пару секунд на подумать, и она этими секундами пользовалась.

— Ингрид. Нужны две оптические точки по 2247, на высоте не меньше тридцати. Сегодня вечером.

— Оптика вечером занята, — сказала Ингрид. — Три астероида пояса, Чжан обещал Ли Вэйчжоу.

— Я подвину астероиды.

— Ли не обрадуется.

— Ли в Нанкине до двенадцатого, — сказал Чжан, не поднимая головы от своей чашки. — Смещение — на мне.

Ксавьер, сидевший рядом с ним, очень коротко глянул на Чжана и сразу опустил глаза обратно в стол. Сюй Мэй этот взгляд отметила и не поняла, что он значил; решила — спросить потом.

— Хорошо, — сказала Ингрид. — Две точки на тридцати. Астрометрию кто?

— Я, — сказала Сюй Мэй. — С утренней смены.

— Ты в ночь выходила.

— Посплю до обеда.

Ингрид кивнула и пошла дальше. Рекуператор в душевых второго этажа снова шумит — Павел после обеда. Дизель Г-два в норме, плановая проверка в пятницу. Тромсё — без замечаний. По погоде снежный заряд во второй половине, вертолётов не ждём, дорогу на плато не закрывают.

— Кухня, — сказал Кларенс.

— Рауль простудился, — сказала Айша. — Я за него.

— Согласовано?

— Согласовано со мной. Ларсу скажу.

Кларенс записал без нажима, как бухгалтер вписывает проводку, безотносительно к тому, в плюс она идёт или в минус.

В этот момент из коридора, через две двери, донёсся глубокий горловой кашель — жёсткий, с долгим всхлипом на конце. Айша не обернулась. Кларенс поднял бровь на полтакта и опустил. Виктор посмотрел в окно. Сюй Мэй на полях своего блокнота приписала «Рауль» и подчеркнула.

— К нам вчера приехали двое, — продолжила Ингрид так, словно кашля не было. — Чжан с нами не первый день, но официально — с этого утра. И Елена.

Елена выпрямилась.

— По правилам KSAT — вводная у Габора на первой неделе. Елена, Чжан, запишитесь сегодня.

— Габор — это кто? — шёпотом спросила Елена Виктора.

— Венгр. Нейрофизиолог.

— Что изучает?

— Как мы тут сходим с ума.

Виктор не улыбнулся. Он сидел в той тесной зоне, где мелкая шутка и честное наблюдение не отделялись никакой интонацией, и Елена уточнять не стала.

— Всё, — сказала Ингрид. — В десять планёрка у меня. Кому надо — подходите.

Стулья поехали назад. Чжан первым к двери: до обеда надо было подняться на А2, посмотреть, как легла ночная обледенелая плёнка в секторе вчерашнего провала. Ксавьер пошёл за ним, дожёвывая хлеб с сыром. Кларенс унёс кофейник на кухню — заваривать свежий; старый он считал испорченным через сорок минут, а этот стоял пятьдесят.

* * *

Виктор остался. Допил пустую кружку — такая у него была привычка, когда не хотел сразу отвечать на следующий вопрос. Поставил. Елена не встала.

— Сюй Мэй.

— Да.

— Выгрузи мне *astrometry raw* по 2247. Все четыре точки. И логи телескопа за те минуты.

— Куда?

— В мою папку. Как обычно.

— Хорошо.

Виктор смотрел в окно.

— И метеоданные. Температуру, влажность, давление. Профиль атмосферы в столбе над Платобергом, если есть.

— В столбе нет. Есть приземные и зондирование из Нью-Олесунна. Нью-Олесунн — в ста пятидесяти.

— Возьми Нью-Олесунн. Если больше неоткуда.

— Хорошо.

Он кивнул, не отрываясь от окна ещё пару секунд, потом обернулся к Елене.

— Ну. С первым рабочим днём.

— Спасибо.

— Жалобы есть?

— На что?

— На всё. На каюту, душ, завтрак, климат.

— На климат смысла нет, — сказала Елена. — Климат от меня не зависит.

Виктор посмотрел на неё чуть дольше, чем требовала реплика. В его глазах не было ни одобрения, ни осуждения — только подтверждение того, что он был прав в своих предположениях про неё.

— Посмотрим через месяц, — сказал он. — От чего зависит климат.

Он встал, взял кружку со стола и понёс к раздаточному. В дверях, не оборачиваясь, бросил в воздух комнаты — уже не Сюй Мэй и не Елене отдельно:

— Рефракция — в ту сторону, в какую удобнее. Не забудьте.

И вышел.

* * *

Айша в углу собирала посуду на поднос; тарелки шли одна в одну с лёгким звоном. За окном неярко светало. Сюй Мэй закрыла блокнот и засунула в рукав свитера — привычка, привезённая из Пекина, где пальто всегда было тоньше, чем нужно, и рукав служил карманом. Пошла к выходу.

У двери стояла Мэри, уже в куртке.

— Сюй Мэй.

— Да.

— Ты сама веришь, что рефракция?

Сюй Мэй помолчала. Она не любила быстрых ответов на вопросы, у которых у неё не было ровного ответа.

— Я верю, что возможно. И верю, что может быть не так.

— Одинаково?

— Пока одинаково.

Мэри кивнула. Не отошла.

— Если равно — это не рефракция.

Сюй Мэй посмотрела на неё. Мэри не выглядела торопящейся — Мэри вообще редко торопилась, если не считать утреннего кофе. Но в её лице сейчас было что-то собранное, жатое, чего Сюй Мэй за полгода совместной работы не припоминала.

— Пятьдесят на пятьдесят в астрометрии, — сказала Мэри, — это не неопределённость, это сигнал. Я прошу точки сегодня не потому, что хочу закрыть рефракцию. Я прошу, чтобы начать считать на самом деле.

Она вышла первой. Сюй Мэй — за ней.

* * *

Елена догнала Сюй Мэй у поворота к жилым каютам.

— Можно?

— Можно.

Они пошли вдоль коридора: Сюй Мэй впереди, Елена подтягивала шаг. Сюй Мэй была выше и ходила быстрее, чем казалось по её росту; Елена помнила это по школе, где всегда отставала от тех, у кого шаг длиннее.

— Если не рефракция — тогда что?

— Что-то другое.

— Что.

Сюй Мэй остановилась у пробковой доски. На доске висел график дежурств; чья-то рука — Айшина, по почерку — зачеркнула «Raul» и вписала «А.». Елена посмотрела внимательнее: «А.» стояло на месте Рауля и на прошлой неделе, и на позапрошлой. Три подряд.

Из-за ближайшей двери, третьей слева, раздалось глубокое горловое покашливание — ровное, жёсткое, в такт долгой, а не случайной простуде.

Сюй Мэй с листа глаз не отвела.

— Либо ошибка в данных, — сказала она. — Либо это что-то, что мы уже один раз видели.

— Видели?

— Три года назад. Два года назад. Ты читала Бойна?

— Читала.

— Тогда знаешь.

Она ещё раз посмотрела на график и провела пальцем по зачёркнутому Раулю.

— Я думаю — рефракция. Утром посмотрим.

— А если нет?

— Тогда будет что-нибудь на обед.

Она сказала это без улыбки, но и без тяжести; так у неё выходили фразы, в которых серьёзное и смешное стояли на одном плече. Двинулась дальше. Дверь её каюты щёлкнула мягко.

* * *

Елена осталась у доски.

Из-за двери Рауля ещё раз донёсся кашель, и потом тихий скрип — Рауль, кажется, повернулся к стене.

Елена посмотрела на график. Три «А.» подряд на месте «Raul». И ниже, если отлистнуть, ещё две перестановки две недели назад: «Raul» ушёл на «Klarens», «Klarens» на «А.». Три недели — четыре вычёркивания. Цифры шли не в пользу Рауля.

Лист «Lost and found» висел чуть ниже. Одинокая чёрная перчатка с отрезанным указательным пальцем висела отдельно, сама по себе, как будто и не была ничья.

В конце коридора было окно. Елена дошла и посмотрела наружу. Над плато поднималась та короткая зимняя заря, что к концу сентября на Шпицбергене сдавала по восемь минут в сутки. У самой дальней антенны, по-над снегом, работали две фигуры: невысокая плотная — Павел; тонкая, прямая, в жёлтой куртке — Киро. Между ними на снегу лежал длинный металлический скребок. Павел работал лопатой, Киро держал ведро; пар от их дыхания сносил в одну сторону, как общий дым. Работали молча. Ни один из них, вероятно, не знал, что утром за их спинами Мэри только что потребовала две точки, от которых зависело, останется ли 2247-SV артефактом.

Елена смотрела секунд тридцать. Потом повернулась и пошла — не в свою каюту, куда собиралась, а обратно по коридору, к лестнице на операторскую. У неё в голове уже была формулировка: пока Сюй Мэй спит, гав-выгрузки по запросу Виктора может сделать тот, кто проработал в ИНАСАН пять лет с этой же архитектурой данных. Это умела Елена. Это было то, что она умела.

Она пошла быстрее.

Из кухни доносился первый шум завтрака: Айша поставила сковороду, и сковорода встала на свой голос — глубокий, чуть гудящий, с секундной задержкой после первой капли масла.

Глава 3. Первая суббота

Суббота на Плато отличалась от любого другого дня тем, что в семь ноль пять никто не стучал в дверь и никто не включал свет в коридоре. Анри лежал на койке и слушал, как над потолком, по стояку, шла горячая вода с двойным ударом в том месте, где норвежцы обещали поменять переходник ещё весной. Обещание повторили в июне и в сентябре, и удар над потолком стал частью ритма станции — чем-то, во что верить перестаёшь, но чего ждёшь с мягким удовольствием, как позднего письма от старого друга.

Он открыл глаза. В потолке шла косая трещина от вентиляционного отверстия к углу — появилась после февральской оттепели и с тех пор не росла. В первые недели на Плато Анри её не любил; к декабрю она начала его успокаивать; к весне он начал её рисовать в блокноте в моменты, когда не знал, что писать дальше.

Слева, через перегородку, пошёл звук — и Анри по нему определил, что проснулся Ксавьер. Скрип пружины. Два шага в одну сторону, два в другую. И гитара. Ксавьер по субботам не пел — просто брал аккорды, по двадцать минут, как другие делают зарядку. Сегодня он начал с бразильского — старой боссановой, которой Анри названия не знал, но знал её среднюю строчку, потому что Ксавьер всегда запинался на одном и том же переходе с ля-минора на ре-минор седьмой. В эту субботу он снова запнулся. И снова.

Значит, Рафаэл не ответил.

В каюте было тепло — с прошлого вторника в жилом блоке подняли температуру на градус, Ингрид настояла, — и тёплый воздух пах сухим и ничем. Анри знал такой запах по одному месту из детства: по квартире тёти Маргерит на рю Клер, куда его возили на воскресные обеды. Тётя называла его «mon petit Henri» при его подружках, и после пятнадцати Анри ездить перестал. Она умерла в двадцать первом. Анри о ней теперь иногда думал. Не о ней самой — о запахе её квартиры, который на Плато неожиданно оказался тот же: сухой и ничей.

Он откинул одеяло, сел. Линолеум под босой пяткой был прохладный, не холодный: тоже из-за Ингрид. Тапочки — чёрные, из «Monoprix» на рю де Севр, с дыркой на большом пальце слева — стояли под кроватью; Анри нашёл их ногами, не глядя. По субботам он не брился.

Из-за стены снова пошёл ля-минор седьмой. Ксавьер шёл на следующую попытку.

* * *

В общей в восемь сорок уже был кто-то. Айша стояла у кофеварки и говорила не в воздух — в тонкий белый наушник, вставленный ей в правое ухо. Говорила по-английски, с тем ровным темпом, каким говорят в плохом скайп-соединении, когда слышно через раз. Анри по-английски понимал плохо, но слово «Kevin» разобрал. И ещё — «mama». И ещё — «please, tell her». Лицо у Айши было другое, чем днём: собраннее, плотнее, без её обычной улыбчивой готовности. Анри вошёл, и Айша, не оборачиваясь, без перехода в интонации, сказала ему через плечо:

— Кофе готов. Кружка слева.

И, сразу по-английски в наушник — тише, в воздух перед собой:

— I call you tonight. Tonight, promise.

За дальним столом у окна сидел Рауль. В толстовке с капюшоном, лицо ещё помятое после сна. На столе перед ним — пустая тарелка, кружка с чаем и ложка, отложенная ровно параллельно кружке. Рауль сидел не двигаясь, смотрел в окно. Увидев Анри, кивнул.

— Bonjour.

— Как грипп?

— Грипп уехал. Оставил ключи.

Рауль засмеялся собственной шутке, и на смехе у него в груди тут же начал собираться тот хрипок, который не был у него простудным ни на прошлой неделе, ни на позапрошлой. Смех Рауль оборвал сам — приложил ладонь ко рту и замолчал. Сделал короткий глоток чая.

За столом у третьего окна сидела Елена.

Одна. С кружкой, с открытым ноутбуком, в том самом сером свитере крупной вязки с вытянутыми рукавами, который Анри уже видел на ней в пятницу на обеде. Волосы собраны в небрежный пучок; прядь выбивалась и падала на левую щёку. Елена поднимала к ней руку — не поправить, а сдвинуть от глаз — и опускала обратно. Движение повторялось каждые три-четыре секунды, и Анри понял, что прядь ей не мешает; мешало что-то другое, и прядь просто служила для руки поводом.

Он налил себе кофе — не в кружку, а в высокую стеклянную чашку, которую завёл для себя в первый месяц. Чашку он купил в Осло, в аэропорту Гардермуэн, где была витрина «Scandinavian design»; на ярлыке стояло «Iittala». Но Анри с первого же дня называл её про себя богемской и на восьмом месяце верил в это сам. Чашка была тонкая и звонкая, и звук от неё на столе по субботам казался ему неуместным — а в будни нет.

Айша в наушнике сказала ещё одну фразу, неразборчивую, и вынула вкладыш.

— Ты уронил стекло? — сказала она Анри, уже своим дневным голосом.

— Нет. Ещё нет.

— Значит, всё в порядке.

Она улыбнулась. Улыбка сошла у неё чуть медленнее, чем обычно, — на полсекунды застряла в правом углу рта, — и Айша, заметив это в собственных мышцах, улыбку закончила уже вручную. Анри это увидел. Не сказал ничего.

Он пошёл к столу Елены.

* * *

— Можно?

— Садись.

Он сел напротив. Чашку поставил мягко.

— Что пишешь?

— Отчёт. В ИНАСАН. Первая неделя.

— Уже?

— У нас две страницы. Каждую неделю. На протяжении всей зимы.

— У CNES тоже две. Но я вместо второй страницы прикладываю шесть в приложении и делаю вид, что они попросили.

Елена коротко фыркнула — не улыбкой, а сжатым выдохом через нос, — и экран закрывать не стала.

— Можно? — Анри показал подбородком.

— Можно.

Он посмотрел. Елена писала по-русски, плотно, без абзацных отступов, с сокращениями. Анри разобрал общий смысл трёх строк, но детали ушли мимо.

— Я имею в русском сто слов, — сказал он. — Прости.

— «Я имею»?

— Я говорю по-русски, как француз. Мы в русский таскаем свою грамматику. Со мной это надо терпеть.

— Терплю.

Она всё же улыбнулась — на этот раз уже ртом, и улыбка получилась короткая, с той низкой нотой выдоха в конце, какую Анри потом, уже у себя наверху, запишет в блокнот.

— Ты учил где?

— В Париже. На курсах для государственных служащих. Я, я не служащий — я прибился в группу случайно, потому что у них было дешевле. Бросил на третьем курсе, когда Достоевский стал тяжелее, чем я ожидал.

— И ты перешёл на Марковича.

— И я перешёл на Марковича.

Это она сказала первой — то, что он собирался сказать, — и Анри на секунду потерял нужную интонацию. Это было не «и я перешёл на Марковича», как он бы это произнёс; это было её «и ты перешёл на Марковича» — с утверждением, не с вопросом. Она читала по-французски. Это было новое.

— Ты его читаешь?

— Я читаю Достоевского по-русски. Но Марковича я читала, когда училась во Франции. Год в Тулузе, в двенадцатом, по обмену.

— Тулуза.

— Да.

— Ты мне это не рассказывала.

— Я тебе пока ничего не рассказывала.

Он принял. Помолчал. Отпил.

За дальним столом Рауль тихо отложил вилку, не доев. Достал из кармана маленький предмет, посмотрел на него, убрал обратно. Движение было быстрое, привычное; Анри его уже знал — Рауль его делал не первый раз за лето.

— Рауль давно так? — тихо спросила Елена.

— С июня я заметил.

— Грипп с июня?

— Грипп — с понедельника. Остальное — раньше. Что именно — он сам не говорит.

У нас тут не спрашивают.

Елена посмотрела на Рауля секунду. Рауль перевернул страницу.

— Я, я пишу роман, — сказал Анри.

Он бросил эту фразу в воздух, как бросают в воду камень: чтобы увидеть, как пойдут круги. Елена круги дала: на долю секунды стала на миллиметр короче в плечах — едва заметно, как делают люди, когда у них внутри что-то сжимается, но ещё не знают, что именно.

— Про что?

— Про арктическую научную станцию.

Елена положила руку на кружку. Не подняла — просто накрыла сверху. Анри это движение уже видел. Оно шло не от неё — от Мэри, в пятницу на брифинге. Станция за пять дней успела ей дать чужой жест.

— Ты серьёзно?

— К сожалению.

— Почему — к сожалению?

— Потому что писать роман про место, где живёшь, безвкусно. Но я начал его два года назад, до Плато, и теперь менять декорации поздно.

— Персонажи кого-то напоминают?

— Никого. Но все узнают.

Елена посмотрела на него дольше, чем собиралась. Прядь у неё снова упала на щеку — она на этот раз её не отвела.

— Я бы хотела почитать.

— Пока не готово.

— А когда будет готово?

— Не знаю. Может быть, никогда.

— Почему?

— Потому что писать я сел в мае и ни одну героиню ещё не дописал. Они у меня все сдвигаются.

— Сдвигаются куда?

— В сторону живых.

Он сказал это как мог — спокойно, ровно, без нажима, как говорят важные вещи людям, которых узнали только что и которым не имеешь права говорить важные вещи. Елена не ответила. Она допила кофе, поставила кружку, и рука её не вернулась на крышку — осталась лежать рядом на столе, отдельно, ладонью вниз, с той серебряной печаткой на мизинце, которую Анри успел разглядеть за это утро уже три раза.

* * *

Габор появился в девять десять, с двумя папками в руках. Коричневый свитер с высоким воротником — тот же, что всю осень. Очки без оправы — те же, с которыми он приехал на Плато два года назад. Лицо одутловатое после сна, открытое.

— Елена. Вы пришли на час пятьдесят раньше.

Он говорил короткими связками, с венгерской привычкой сжимать фразу в бросок.

— Это случайно.

— Случайно — это тоже данные.

— Габор, не начинай, — сказал Анри, не оборачиваясь. — Она подписи ещё не дала.

— Анри наш главный скептик. Считает, моя работа — это суеверие в обёртке.

— Моя версия мягче, — сказал Анри. — Литература в обёртке. Это, кстати, комплимент.

— Принимается.

Габор положил перед Еленой серую папку с логотипом ELTE.

— Два опросника. Беседа — одиннадцать ноль ноль. Четвёртая переговорная, третий этаж. Опоздать можно. Это тоже данные.

— Я приду в одиннадцать.

— Тогда это не данные, — сказал Габор. — А жаль.

Он повернулся к раздатке. У него был свой ритуал: чёрный чай, два куска сахара, молоко. Больше никто на станции так не пил — только Кларенс, но Кларенс брал один кусок, и это различие Габор в прошлом году публично признал фундаментальным.

Елена открыла папку. На первом листе: «Pre-induction baseline questionnaire, part A». На втором — «part B».

— Часть B — это подвох?

— Часть B — это вечер, — сказал Анри. — Сейчас — суббота.

— Сейчас — суббота, — согласилась Елена. — Но ты сказал, что сегодня у тебя воскресенье.

— Я работаю. У меня сдвинуто.

— Ты писатель по субботам и астроном по средам?

— Я писатель всегда. Астроном — по сменам.

Она закрыла папку Габора, не отвечая, и поднялась.

— В одиннадцать у меня вводная, — сказала она. — А в половине первого — у Виктора. Он попросил помочь с выгрузкой.

— С какой?

— Astrometry raw. Две двести сорок семь.

Анри впервые за утро замолчал не по выбору. Он ничего про две двести сорок семь не знал — и сразу, по её короткому взгляду, понял, что это что-то, о чём узнавать извне неприлично.

— Успеха, — сказал он.

— Спасибо.

Она ушла, унеся папку под мышкой. У порога оглянулась — очень коротко, почти незаметно, — и этот взгляд Анри прочитал уже после её ухода, пытаясь вспомнить, был ли он в её глазах или ему показалось.

* * *

В половине одиннадцатого он поднялся к себе. На лестнице ему встретилась Нина — спускалась с мокрыми волосами и полотенцем через плечо, после душа, в спортивном. Они коротко кивнули друг другу: у Нины кивок всегда шёл двумя движениями, как на построении, без улыбки, но и без холода.

В каюте Анри сел за стол и открыл ноутбук. На экране была глава «Седьмая неделя». Женщина-астрофизик на арктической станции получала письмо, которого не ждала, от человека, которого оставила в Париже четыре года назад. Письмо уже было написано. Оставалось написать её реакцию.

Анри смотрел на экран пять минут. Потом свернул окно и в блокноте, от руки, написал одну строчку.

Elle rit avec une note basse à la fin.

Перевёл. Под русским вариантом помедлил и оставил: «Она смеётся с низкой нотой в конце».

Из-за стены Ксавьер снова зашёл на переход с ля-минора на ре-минор седьмой. Запнулся. Зашёл ещё раз. Запнулся. На третьем заходе взял чисто — и тут же оборвал, как будто спугнул. Значит, получилось случайно, а не потому, что рука наконец поняла.

Анри вернулся в главу. Поставил курсор на строке, где героиня только что получила письмо.

Она не открыла его сразу. Сначала она засмеялась по другому поводу — коротко, с низкой нотой в конце, — и эта нота сбила её собственный план на следующие пять минут.

Перечитал. Удалил. Написал иначе. Удалил снова. На третий раз посмотрел на строку и оставил её.

На часах было одиннадцать ноль четыре. В коридоре прошли шаги — лёгкие, женские. Елена шла в четвёртую переговорную, мимо его двери. Не замедлилась.

Анри задержал вдох. Послушал, как она прошла, как хлопнула дверь переговорной, как щёлкнул замок.

Потом встал и подошёл к двери своей каюты.

Положил ладонь на дверную ручку.

Ручка была холодная — в коридоре всегда было на два градуса прохладнее, чем в каюте. Ладонь от неё сразу остыла. Анри подержал руку на ручке секунды три, может четыре, и убрал.

Вернулся к столу. Открыл блокнот. Под строчкой «Она смеётся с низкой нотой в конце» написал ровнее:

Marianne.

Это было старое имя героини — то, с которым он начинал её в мае, до Плато. Посмотрел на имя. Закрыв блокнот.

За стеной у Ксавьера пошёл другой аккорд — открытый, мажорный, до-мажор, чистый, без запинки. Через секунду — второй, фа-мажор. Через две — снова до, но уже с добавленной секстой, с той светлой боссановой «та-та-та-там», которую Ксавьер играл, когда Рафаэл наконец отвечал.

Анри слушал минуту.

Потом открыл блокнот обратно. Имя «Marianne» перечеркнул одной чертой, сильно, так что шариковая ручка прорвала страницу в двух местах. Под перечёркнутым, ниже, не стал писать ничего.

Закрыв блокнот.

За окном, через плато, в дальнем его конце, у самой антенны АЗ, по снегу шли две фигуры — невысокая плотная и тонкая прямая. Павел и Киро. Между ними на снегу лежал длинный металлический скребок, который они с утра то брали, то клали. Пар от дыхания сносило в одну сторону. Работали молча. У Павла в это утро в той же папке в серверной лежал файл `astrometry raw` по две двести сорок семь — тот самый файл, который десять минут назад Елена начала выгружать для Виктора. Анри не знал, что такой файл существует.

Он встал, подошёл к окну. Снег шёл чуть реже. Над обрывом к фьорду пробилась узкая тёплая полоса, не солнечная — скорее отражение.

В коридоре, в другом конце жилого блока, вполсилы ударила тяжёлая дверь — Сюй Мэй вышла из своей каюты и пошла в операторскую. Её шаг Анри узнавал безошибочно: пятка, и сразу перекат на внешнюю сторону стопы. Сегодня она шла медленнее обычного. Значит, ночь была короче, чем нужно, и утренние точки по две двести сорок семь сняли что-то такое, что Сюй Мэй в пиале нести было беспокойно.

Анри посмотрел на часы.

Одиннадцать двенадцать. До конца вводной с Габором у Елены оставалось ещё восемнадцать минут.

Он вернулся к ноутбуку. На экране стояла последняя его строчка главы «Седьмая неделя»:

Она открыла письмо сразу. В этом была её ошибка.

Анри перечитал. Ничего не поправил. Сохранил файл.

Подумал — и в поле «Имя героини», в правой колонке метаданных, где до этого утра стояло «Marianne», напечатал четыре буквы:

Е — ?

Знак вопроса оставил. Сохранил ещё раз.

За стеной Ксавьер взял до-мажор с секстой ещё раз, медленно. Потом положил гитару. В каюте напротив щёлкнул замок — Рауль вышел, пошёл к лестнице. Шаги у него были рваные: три ровных, один короче, снова три. На уровне анриной двери Рауль остановился на секунду — и пошёл дальше.

Анри сидел за столом и слушал станцию.

Глава 4. Квартальный

Пятница начиналась для Ларса Оттесена в шесть пятнадцать. Будильник он ставил на шесть двадцать, но просыпался раньше — привычка, которую он три года пытался отменить, с тех пор как Эйнар, спонсор из Тромсё, сказал ему на одной из суббот в группе: «Проснулся раньше будильника — значит, внутри ещё идёт разговор, который ты не хотел бы вести». С тех пор Ларс просыпался в шесть пятнадцать и лежал пять минут, слушая, какой именно разговор шёл.

Сегодня внутри шёл квартальный.

Он дождался гудка часов — маленького, деликатного писка, который Ларс предпочитал любому другому сигналу, — отключил и сел. Лиолеум под пяткой был тёплый: каюта директора стояла прямо над серверной, и с прошлого понедельника тепло рекуператора шло в пол стабильно, как домашнее отопление. В Тронхейме, где у Ларса была квартира, теперь, наоборот, было холодно: Сигрид с Йонасом давно отказались от сильного нагрева, и когда Ларс приезжал раз в квартал, первые полдня ходил в шерстяных носках, не снимая.

За окном была чернота — предрассветная, плотная, без звёзд: над плато снова держалась низкая облачность. Ларс привык к этой черноте за семь лет. Он не радовался ей и не боялся — она входила в набор бытовых обстоятельств, к которым его жизнь в сорок пять лет свелась и от которых он отмены не ждал.

На столе лежали три папки. Синяя — KSAT, зелёная — ESA, жёлтая — «для себя». В жёлтой хранились копии всех писем за квартал, распечатанные на матовой бумаге, которую он предпочитал глянцу, и два листа его собственных заметок. В заметках он записывал не столько события, сколько интонации — чтобы потом, сводя отчёт, не перепутать, кто к кому обратился первым и в каком настроении.

* * *

В семь сорок пять он был в кабинете. Узком, с единственным окном в северную сторону, с письменным столом у окна, с двумя потёртыми кожаными креслами перед столом для посетителей. Кресла остались от Рикарда Скуле, предшественника, который просидел в них четырнадцать лет и ушёл на пенсию в две тысячи восемнадцатом. В одну из последних совместных недель Рикард сказал: «В этих креслах наговорено столько, что новые — значит потерять архив». Ларс кресла не менял.

На столе горела настольная лампа с зелёным абажуром — такая же, как у Танаки в операторской, только с целым стеклом и без сколов. Лампу в прошлом году поставил Киро — провёл у Ларса один вечер за разбором документации по Ка-тракту, ушёл и забыл. На следующее утро Ларс нашёл её на своём столе, включил. Киро за ней не пришёл. Ни о чём не спросил. Лампа так и осталась.

Ларс сварил себе кофе и сел.

Рабочий стол был чист. Две папки — «Q3 Report KSAT» и «Q3 Report ESA». Он начал с KSAT: форма короче, двадцать три поля, шестнадцать заполнялись автоматически из внутренней базы, человеку оставалось семь. Он открыл первое — Operational incidents summary — и начал печатать.

Печатал он не быстро. Останавливался после каждого абзаца, ждал, пока тот устоится внутри, и в среднем одно слово переписывал четыре раза. Вторую привычку он приобрёл после развода с Сигрид, когда несколько месяцев казалось, что любое написанное слово может быть использовано против него. Тревога, кажется, отошла. Привычка осталась.

К восьми тридцати было готово три поля из семи. За дверью шла утренняя жизнь станции: в коридоре звучал голос Кларенса — «по графику, по графику», — короткий ответ Ингрид по-норвежски, «ja, ja, jeg vet», где-то в столовой засмеялась Айша. Дверь по пятницам с утра

Ларс держал закрытой. Это было одно из немногих правил, которые он себе позволил за семь лет. В общую жизнь станции он возвращался в десять.

В восемь сорок постучали коротко, двумя ударами. Мэри.

— Войди.

Мэри встала на пороге, не входя полностью. В серой толстовке JPL, с папкой в руках, волосы собраны. На левом запястье — тонкий кожаный браслет с металлической пластинкой, которого Ларс раньше не видел. Подарок от Эбби или самой себе.

— У тебя минута?

— У меня пять.

Она подошла, положила папку.

— Мой отчёт для консорциума. Я отдам Виктору в девять — он сводит научную часть, — но я бы хотела, чтобы ты сначала прочитал административную.

— Отдельно?

— Там есть один пункт.

Ларс посмотрел ей в глаза. Мэри смотрела в ответ ровно, без вызова — тем своим взглядом управленца, который Ларс уважал и которого слегка побаивался. Заранее рассчитанные реакции; принесённая папка под нужный отклик.

— Какой пункт?

— Калибровки Ка-тракта. Я написала, что они заняли на неделю больше регламента.

— На десять дней.

— Я написала — на неделю. Это в пределах допустимого. Десять уже нет.

Ларс посмотрел на папку. Потом на Мэри.

— Ты хочешь, чтобы я это утвердил.

— Я хочу, чтобы ты это прочитал.

— Хорошо. Прочитаю.

Она кивнула и пошла к двери. У двери остановилась.

— Ларс.

— Да.

— На закате сегодня — на радоме?

— На радоме. Хорошо.

— Я приду.

Она вышла. Дверь закрылась мягко.

Ларс сидел с закрытыми глазами. Пять секунд. Это было упражнение Эйнара из первого года: «ты слишком быстро встаёшь из-за стола, пока другой человек ещё сидит у тебя в голове». Пять секунд истекли. Ларс открыл глаза, подтянул папку Мэри, открыл.

* * *

К десяти он закончил KSAT и перешёл на ESA. Эта была длиннее — шестьдесят четыре поля, сорок человеческих, — и писалась всегда двумя заходами. Первый до обеда — по формальным пунктам. Второй после — по разделу Qualitative assessment, который Ларс внутренне называл «где прячется неудобное».

Он открыл раздел. Курсор встал в поле Inter-group coordination — qualitative observations. Ларс посмотрел на экран, отхлебнул остывший кофе, встал и подошёл к окну.

Начинало светать — тот узкий октябрьский рассвет, который на плато длился сейчас сорок минут и каждый день терял по восемь-десять. Небо над дальним гребнем было серо-розовое, с пепельной прослойкой между серым и розовым. Двадцать шестого сентября это сочетание было. Двадцать шестого октября — будет. Двадцать шестого ноября — уже нет, потому что к ноябрю солнце перестанет подниматься.

На горизонте проступал силуэт АЗ — дальней, резервной. Тарелка смотрела не в ту сторону, что вчера. Может быть, Чжан поднимал её ночью. Может быть, с приводом. Ларс отметил и вернулся к столу.

В поле Inter-group coordination он напечатал:

Q3 was marked by routine operational cooperation between all four national subgroups. No significant frictions were reported or observed at the administrative level. Minor scheduling issues were resolved through standard procedures.

Перечитал.

Frictions, конечно, были. Три раза за квартал Виктор и Мэри расходились по антенному времени; один раз так, что Ларсу пришлось разговаривать с каждым отдельно. Ли Вэйчжоу дважды запрашивал внеплановые окна на А1, которые Мэри считала необоснованными. Кларенс прислал четыре записки о «нарушениях ротации», ни одна не была проблемой по существу, но каждая требовала письменного ответа: Кларенс, не получив ответа, писал следующую.

Ларс посмотрел на своё «no significant» ещё раз. Оставил.

Это не было обманом. «No significant» оставляло место для insignificant, а insignificant frictions действительно разрешались стандартными процедурами. И он был уверен: развёрнутое описание трений означало бы внешнюю проверку. Три человека в январе, двадцать интервью, документ, который будет хуже любого внутреннего решения. Внешние видят станцию, как туристы видят Париж: то, что им показывают, и то, что можно сфотографировать.

Он открыл Incidents log. Форма требовала перечислить инциденты класса В и выше. Таких было четыре: коррелятор в августе встал на две минуты; перегрев на А2 в сентябре; закрытие дороги на плато на двенадцать часов по погоде; Рауль в сентябре получил лёгкое обморожение левой щеки при выходе на купол в пургу, без нетрудоспособности.

Ларс вписал все четыре. В ручное поле Administrator's note напечатал:

All incidents resolved within normal operational parameters.

Форма раздвоилась на две подопции: variance within norm и variance requiring review. Справа в углу экрана висел значок автоматического анализатора, сверявшего квартал с предыдущими четырьмя. Ларс нажал. Значок развернулся: Current quarter variance index: 0.31. Flagged for review.

Флажок встал автоматически. Три десятых — на четверть пункта выше обычного. Это объяснялось в основном двумя вещами: калибровкой Ка, которая действительно заняла дольше регламента, и обморожением у Рауля. Плюс ещё одним — тем, что не входило ни в Ка, ни в Рауля, но входило в variance по косвенным: дополнительные оптические точки, которых Мэри запросила на этой неделе по объекту, ушедшему в «под уточнение». Две двести сорок семь. Сегодня утром в чате Мэри вписала их как плановое наблюдение. Пока это было правдой в пределах отчётной формы.

Ларс смотрел на флажок секунд десять. Потом нажал правой кнопкой. Выпало меню. Последний пункт — Manual override. Ларс нажал.

Окно спросило: Reason for override?

Ларс напечатал:

Within normal variance. Administrator's discretion.

Нажал Apply.

Флажок погас. Индекс остался, 0.31, — но пометки в сводную таблицу, которую в Париже смотрели по четвергам, уже не уйдёт.

Ларс откинулся в кресле. В потолке шла косая трещина от вентиляционного отверстия к углу — такая же, как у Анри, только угол другой. Трещины по всей станции были разные, но в сущности одна и та же. Станцию, возможно, построили из материалов, которые немного устали раньше, чем были смонтированы.

* * *

В час пятнадцать Ларс вышел в столовую. За столом сидели Виктор, Ингрид, Рауль и Айша. На раздатке дежурила Нина — была её пятничная очередь — и сейчас разогревала большую кастрюлю тушёной оленины с картошкой, которую утром привезли из Лонгйира.

— Ларс! — крикнула Айша. — Я спасла тебе кусок с самой большой косточкой.

— Косточку можешь забрать.

— Я уже забрала. Я про мясо.

Он сел напротив Виктора. Виктор ел медленно, с той сосредоточенной задумчивостью, с какой ел всегда, — в голове у него параллельно шёл ещё один разговор. Ингрид листала прогноз на телефоне, жевала быстрее.

— На закате всё в силе? — спросил Рауль.

— В силе.

— Сколько нас будет?

— Человек двенадцать. Мэри придёт. Виктор?

— Приду, — сказал Виктор, не поднимая глаз.

— Ли?

Ингрид помотала головой. Ли был в Нанкине, это знали все.

— Чжан обещал за них двоих, — дожевала она.

— Чжан один не считается за двоих, — сказал Рауль. — Чжан считается за одного Чжана. Это много.

— Это скромно, — сказала Айша, ставя Ларсу тарелку с двумя кусками.

Он взял вилку. Мясо было густо-коричневое, с луком и ягодой можжевельника. Нина умела с можжевельником: брала его в маленьком магазине в Лонгйире и держала в стеклянной банке на второй полке холодильника.

— А Елена? — спросил Рауль.

— Елена придёт, — сказала Ингрид.

— Откуда знаешь?

— Анри сказал.

В звуке ножей и вилок вышла секундная остановка — не тишина, а именно короткое удержание. Ингрид не заметила, или заметила и пропустила. Рауль кивнул. Айша улыбнулась в тарелку. Виктор перевернул кусок мяса на другую сторону и не поднял глаз.

— Хорошо, — сказал Ларс. — Подъём в шестнадцать пятнадцать. Снаружи минус семь, ветер три метра, нормально. Пуховики обязательны. Термосы с собой. Я принесу глётг; у Павла неделю назад была водка, её половина ещё есть, возьмём.

— У Павла половин не бывает, — сказал Рауль.

— Бывает, — сказал Виктор. — Если он её делит на несколько пятниц вперёд.

* * *

В четыре пятнадцать Ларс стоял у выхода с термосом и пакетом. В пакете — три стеклянные бутылки глётга и полкило миндаля в меду. Глётг он варил накануне по рецепту бабушки Пернилле — той, которую никогда не видел, но которую цитировала Пернилле нынешняя в коротких сообщениях из Осло, раз в два-три дня. Вчера вечером пришло: «Сегодня дома, если будешь писать». Ларс не написал. Сейчас, с термосом в руке, на секунду он подумал, что напишет вечером, и тут же — что не напишет.

Люди собирались медленно.

Первым пришёл Павел — с бутылкой, в толстой куртке с меховым воротником, с лицом, на котором после обеда всегда был лёгкий сон. За ним Виктор, уже в пуховике. Потом Нина с Сюй Мэй, вместе. Сюй Мэй была в той самой куртке, в которой приехала два года назад, тёмно-зелёной, с меховой оторочкой; куртка продержится у неё дольше всех остальных курток станции. Потом Чжан и Ксавьер — у Чжана под мышкой, прижатый к боку, тубус с какой-то распечаткой, которую он не выпускал, как будто боялся, что та улетит на ветру. Потом Рауль

с Айшей, смеющиеся, с общей термкружкой. Потом Габор, с фотоаппаратом на шее. Потом Мэри — одна, последней.

Одиннадцать.

— Елена? — тихо спросил Ларс у Виктора.

— Сейчас, — сказал Виктор.

Через минуту в дверях появилась Елена — в чужой куртке Айши, в шапке, которую Ларс на ней видел впервые. Рядом с ней, чуть сзади, шёл Анри.

Двенадцать.

Ларс открыл внешнюю дверь. В лицо ударил холод — не пощёчина, как Елене в её первый день, а спокойный, ровный, уже свой. Они вышли на плато.

* * *

Крыша радома А1 — круглая площадка около трёх метров в поперечнике, с металлической опорой по центру и низкими перилами. Подняться на неё можно было по внешней лестнице с торца: восемь ступеней, поручень, которого перед подъёмом всегда касались рукой, проверяя обледенение. Лестница была чистая: Чжан утром сбивал наледь.

Ларс пошёл первым. Наверху поставил термос у опоры и посмотрел на запад. Закат уже шёл. Солнце стояло над горизонтом градусов на пять, не выше, и было оранжевым, почти красным, — не тем тревожным красным летних закатов, а тем арктическим, с примесью розового и холодного золотого, которое Ларс за семь лет научился узнавать и за которое продолжал любить это место.

Остальные поднимались по одному, лестница поскрипывала. Ксавьер принёс гитару — без чехла, в руке, и это было против всех инструкций: на высоте, с ветром, на радоме роняют и инструменты, и людей. Ксавьеру никто ничего не сказал.

Последним поднялся Анри. За ним — Елена.

Ларс разлил глётг по керамическим чашкам с логотипом KSAT. Чашки пошли по кругу. Пернилле в Осло в этот час заканчивала рабочую неделю — в архитектурной мастерской в Фрогнере она по пятницам уходила в четыре. Ларс подумал про её вчерашнее «если будешь писать», и на секунду в его чашке глётг потерял вкус. Потом вкус вернулся.

— Tost, — сказал он. — За последнее солнце перед тремя месяцами.

— За солнце, — сказала Мэри.

— За солнце, — повторил Виктор тихо.

Чашки встретились. Звон у керамики был глухой, без музыки, но привычный. Ларс поднёс свою к губам и отпил — один короткий глоток. Глётг был крепкий: он переборщил с коньяком. Коньяк в горячем вине должен был выпариться, но выпаривался он не весь, и Ларс это знал. Он поставил чашку на перила, чуть дальше, чем обычно ставил, и больше к ней сегодня не подходил.

За его спиной Ксавьер взял на гитаре первый аккорд — низкий, открытый, ми-мажор. Потом второй — ля. Потом ту знакомую со стенки каюты боссанову, которую он всю прошлую неделю разучивал со сбивом на переходе к ре-минору седьмому. Сейчас, на крыше, с ветром в струны, переход получился чисто. Ксавьер его не повторил, чтобы не спугнуть. Айша стала тихо подпевать — по-португальски, пару слов, которые она подхватила у Ксавьера в коридоре и понимала наполовину: *tão só, tão só*. Чжан поднял телефон, но не для селфи — он снимал солнце. Габор фотографировал по одному кадру на человека, не больше.

Ларс стоял в стороне. Мэри подошла к Виктору, сказала что-то короткое. Виктор кивнул. Елена стояла чуть дальше, одна, с чашкой в двух руках, и смотрела на горизонт. Анри был в полуметре от неё — не так, чтобы вместе, но и не так, чтобы случайно. Ларс это отметил и не стал придавать значения.

Солнце опускалось. В какой-то момент его нижний край коснулся горизонта — и с этой секунды светило пошло уходить быстро, как всегда уходит арктическое солнце, словно торо-

пясь к подземной встрече. За три минуты ушло наполовину. Ещё за две — по самый верхний край.

Когда остался только тонкий оранжевый серп, Ксавьер взял один последний мажорный аккорд — и, когда тот затих, не стал обновлять его. Струны дрогнули последний раз и смолкли как раз в ту секунду, когда серп ушёл за край.

Стало тихо.

Ларс разлил по второму. Виктор подошёл, встал рядом, молча. Пару минут они стояли бок о бок, смотрели на уходящий горизонт. Потом Виктор сказал, не глядя:

— Ты уже отправил квартальный?

— Сегодня дописал. Отправлю вечером.

— У тебя там всё в порядке?

— В пределах нормы.

Виктор помолчал.

— Хорошо, когда в пределах, — сказал он.

И отошёл. В его «хорошо, когда в пределах» лежало сразу две вещи, и Ларс понял, какая из них вторая, и понял, что Виктор знает, что Ларс это понял. Ни один из них не стал разворачивать.

* * *

Спускались в темноте. Лестница была освещена прожектором, который Ксавьер включил снизу первым — он спустился, чтобы встречать. Ларс шёл предпоследним; последней — Мэри.

В коридоре жилого блока пахло оленьей тушёнкой — Нина после заката успела подогреть остатки. Люди расходились. Ларс попрощался с Виктором у его двери. С Мэри — у лифта. На прощание Мэри сказала только «Спасибо». За что именно — непонятно.

В кабинете Ларс снова сел за стол, включил лампу с зелёным абажуром и открыл ноутбук. ESA-форма ждала незавершённой на шести полях. Он дописал их за сорок минут — коротко, ровно, без лишнего.

В поле Signature поставил имя и дату. Нажал Submit.

На экране всплыло: Отчёт отправлен. Копия в архив.

Ларс закрыл ноутбук. Посидел ещё минуту. Потом встал, подошёл к окну. За окном была уже полная ночь — плотная, без розового. На горизонте ничего.

Он постоял у окна, вернулся к столу, открыл верхний ящик и достал жёлтую папку. Открыл на чистой странице. Взял ручку. Написал по-норвежски, мелким почерком:

Пятница. Последнее солнце. Глётг — двенадцать человек, всё прошло тихо. Анри и Елена стояли рядом, но не вместе. Виктор спросил про отчёт — «в пределах»? Я сказал: в пределах.

Подумал. Приписал ниже:

Виктор спрашивал не про отчёт.

Посмотрел на строчку. Зачеркнул её одной ровной линией. Под зачёркнутым, ещё ниже, мелко:

В пределах — это не ложь.

Закрыл папку. Убрал в ящик. Выключил лампу.

В коридоре было тихо. Из-за третьей двери слева — каюты Рауля — прошёл короткий тихий звук: то ли ложка о край кружки, то ли что-то столь же мелкое; и через паузу — ещё раз. Потом стало совсем тихо.

Интерлюдия. Ночная вахта

Между вторым и третьим этажом в лестничной шахте пахло сосновым моющим и хлоркой. Норвежцы драили полы дважды в сутки, и эта пара запахов на лестнице стояла круглосуточно — только к утру, после второй мойки, хлорка брала верх, а к ночи отдавала обратно сосне.

Павел шёл не торопясь. Подошвы полуботинок липли к резиновой кромке ступеней: в прошлом месяце он сам подновил эту кромку герметиком, и герметик ещё не отошёл окончательно. В левой руке был фонарик с петлёй на рукояти, в правой — тканевый чехол с инструментом, в пакете под мышкой — новый модуль Fotek, завернутый в пупырчатую плёнку.

На площадке второго этажа дверь в санузел стояла приоткрытая — кто-то забыл выключить вентилятор. Павел на ходу закрыл створку плотнее. В коридоре навстречу прошёл Джош — в футболке с выцветшим Texas A&M, с кружкой и бутылкой воды, — кивнул не останавливаясь и не здороваясь. У Джоша была манера: признать, не обращаясь. Павел ответил тем же.

Операторская — в дальнем конце коридора. В половине третьего там обычно сидит один сменный. Из-под двери шёл синий холодный свет, от мониторов. Ручки на двери не было с июля: её сорвало при ремонте петли, замену обещали из Осло к сентябрю, сейчас уже октябрь. Павел толкнул створку плечом.

Дежурил Танака. Киро. Сидел у крайнего левого пульта, в наушниках, под собственной зелёной лампой. Лампу он привёз из Киото в прошлом году и поставил здесь без согласования; на станции её считали неуместной в операторской, но не трогали — у Танаки так было со всем, что он привозил. На экране тянулся тонкий жёлтый график. Павел по цвету шкалы понял, что это Ка-диапазон, и не взгляделся. Танака поднял глаза, опустил подбородок — и вернулся к графику.

Шкаф рекуператора стоял у дальней стены, за вторым рядом кресел. Павел прошёл между рядами, обошёл пустую банку из-под Red Bull на полу; на доннышке ещё плескалось. Не Танака оставил: Танака так не делал.

Створка открылась с глуховатым щелчком. Внутри было теплее, чем в операторской, градусов на пять. Потянуло запахом, который Павел узнал раньше, чем подтвердил светом: сладковатым, с смолой и жжёной краской. Горело твёрдотельное реле.

Он присел на корточки. Колени щёлкнули; правое громче, левое эхом. Фонарик зажал зубами за петлю, посветил вдоль ряда. Шесть Fotek-модулей; седьмой — с чёрной кляксой на корпусе. На пластике рядом — мелкая копоть, как от погашенной о стенку спички.

Три года, подумал Павел. Ресурс четыре; на станции — три. В Арзамасе в двадцать втором у него за одну неделю вышли четыре штуки — бракованная партия; здесь модули шли из разных, на такую симметрию рассчитывать было нельзя.

Он отсоединил управляющие провода — жёлтый и синий, — снял обгоревший модуль с дин-рейки, положил в карман куртки. Тот оттянул ткань и через карман грел бедро. Новый достал из чехла, осмотрел контакты, подышал на них, протёр о рукав, защёлкнул на рейку. Жёлтый, синий — на места. На передней панели зажётся зелёный. Индикатор нагрузки моргнул, встал ровно. Всё.

В коридоре раздались шаги — неторопливые, с характерной паузой перед каждым. Виктор. С левым коленом у него что-то было давно; когда не торопился, он давал ноге дополнительные полсекунды.

Виктор вошёл без стука, постоял у двери, пока глаза привыкали, прошёл мимо Павла — ещё сидевшего на корточках — к своему креслу, левому из трёх перед главной консолью. С Танакой обменялся одним движением головы.

— Не спится? — сказал Павел, не оборачиваясь.

— Не спится.

Виктор сел. Кресло под ним скрипнуло: в механизме наклона сидел слабый болт. Подтянуть его на один оборот — скрип уйдёт, но стопор ослабнет, и через неделю разболтается совсем. Выбор был между короткой тишиной и долгой. Павел оставил как было.

Он закрыл створку шкафа. Замок щёлкнул — сухо, коротко, как передёрнутый затвор. Поднялся — опять колени — и отошёл к соседнему столу, сел на край. Танака дёрнул нижней губой: у него это означало нечто между приветствием и «я знаю, что вы здесь, но я занят». На столе у Танаки был термос в войлочном чехле и пиала с тёмным осадком. Генмайча, по рисовым зёрнам на стенке.

На экране у Виктора был открыт сводный каталог за последние двенадцать часов. Спутники в штатных окнах, два астероида из пояса, геостационары в тесте, отражатели, калибровочный источник. Обычная ночь. Виктор прокручивал колесом, медленными толчками.

На двадцать пятой — или двадцать шестой — строке движение стало. Не глазом; шеей. Виктор подался вперёд, задержал. Потом колесо снова пошло, но пошло медленнее. Павел видел это краем глаза — сидел боком.

За стеной, в каюте Мэри, начался час.

Через перегородку тянулся женский голос: приглушённый, без слов, с той неровностью, какая бывает, когда человек говорит, сидя наклонившись вперёд. По спецификации перегородка держала тридцать восемь децибел в речевом диапазоне — это для жилого дома, с мебелью и ковром. В операторской с бетоном и голыми стенами работало децибел на шесть-семь меньше.

Павел сидел на краю стола, ноги свесив, смотрел в точку на линолеуме между коленями. На линолеуме там была мелкая выщерблина — кто-то однажды уронил отвёртку. Он не отрывался от неё, и звук за стенкой пошёл так, как Павел уже знал.

Он слушал не слова — для слов стена была толще, чем её паспорт, — а как голос ходил. Голос уходил вниз, садился, делал паузу слишком долгую для обычного разговора, поднимался на полтона, снова садился. Внутри паузы кто-то проверял дыхание и возвращался.

Лариса так говорила по-русски.

Это было в ноябре пятнадцатого, когда она в первый раз пошла к психологу. Павел тогда пришёл домой с работы раньше обычного, мокрый — на улице моросил дождь со снегом, — и с кухни, где Лариса сидела на подоконнике у открытой форточки, шло именно это. Он постоял в прихожей, не снимая куртки. Потом вышел. В парадной под тем же дождём прождал полчаса, пока она не положила трубку. Поднялся, когда Лариса уже заваривала чай. В тот день ни он, ни она — ни о чём.

На станции эту ноту он впервые различил у Мэри в августе. Решил — звонит семье. К октябрю понял: не семье.

Он оторвал взгляд от выщерблины. Виктор колесо больше не крутил. Правой ладонью — сухой, со старыми царапинами вдоль тыльной стороны — держал мышь, но не двигал. Смотрел не в экран; в экран, но сквозь.

Танака работал дальше, спиной к стене. Он её либо не слышал, либо слышал, но не различал этой интонации: чужих интонаций на его стене — русской и американской и теперь ещё двух — было больше, чем своих.

В вентиляционной шахте тикнул клапан — он переключался каждые двадцать минут с прошлой осени. Секундой позже в другом конце коридора открылась и закрылась тяжёлая дверь с магнитным уплотнителем. Вторая операторская. Сюй Мэй вышла — за кофе или ещё зачем; Павел не стал гадать.

За стеной у Мэри звук опустился ещё ниже — почти до порога, за которым начинают разбираться гласные. I can't... Пауза. ...because... Опять пауза, длинная.

Павел встал со стола. Сделал это быстрее, чем хотел; задел плечом стул, тот качнулся. Танака не обернулся. Павел прошёл обратно к шкафу рекуператора, хотя чинить там было уже нечего, наклонился, открыл створку, посветил внутрь — чтобы отвернуться от стены.

За спиной встал Виктор. Кресло скрипнуло дважды, наклон и подъём; Виктор задвинул его обратно аккуратно, беззвучно, чтобы ножки не чиркнули по линолеуму. Шаги пошли к двери — с той же паузой перед каждым. Перед тем как выйти, Виктор остановился — Павел услышал по дыханию, — постоял секунду, ничего не сказал и вышел.

Павел остался у шкафа ещё секунд десять. Закрыв створку. Подошёл к Танакиному столу, взял его пиалу, не спросив, отпил полглотка чая — тёплый, с рисовой горчинкой, — поставил на место. Танака от экрана глаз не отвёл. На станции так было можно: не спросив, но не больше глотка. Правило было старое и безоговорочное.

— Ещё? — сказал Танака, не поворачивая головы. По-английски. Павел не сразу понял, что про чай.

— Нет. Спасибо.

— Свежая в ящике. Если надо.

Павел вышел.

* * *

В коридоре горели только аварийные — одна красная лампа над каждой секцией, чтобы не сбивать зрачок. Он пошёл в столовую.

Четвёртая по коридору дверь — каюта Мэри. Под ней лежала узкая полоска света, тёплого, жёлтого, старого. Мэри не любила диодных и привезла в ручной клади шестидесятиваттные, хотя на станции их не рекомендовали: лишнее тепло копилось в блоке. За дверью было уже тихо. Разговор кончился.

В столовой Павел не стал включать свет. В полутьме от холодильника лилось зелёное свечение цифр: 02:54. Он взял с сушилки чужую чистую кружку — с надписью «EUMETSAT 2018» на боку — поставил под чайник, нажал. Чайник загудел.

Пока тот закипал, Павел сел за стол и положил ладони на столешницу. Столешница была холодная, лак старый, с мелкими царапинами от ножей; Павел по этим царапинам мог бы назвать, кто на станции и как режет хлеб — Айша поперёк волокна, Ингрид по диагонали, Рауль всегда посередине доски, хотя доска у него лежит справа. Такие вещи накапливались медленно, а замечались ещё медленнее.

В коридоре открылась и закрылась дверь каюты Мэри. Тапочки пошли в противоположную от столовой сторону — один тапочек шлёпал громче другого. Стукнула дверь санузла, раз и через секунду другая.

Павел сидел над пустой кружкой и не вставал. Если Мэри пойдёт обратно мимо, ему незачем её встречать; ей — тем более. Он об этом не думал отдельно. Он просто сидел.

Чайник закипел и отщёлкнулся. Он налил. Вода плеснула, пар прошёл мимо лица, оставил на щеке тёплый след. Положил два пакетика — чёрный и шиповник, заваривал так всегда. Шиповник был мурманский, брусничный, из пачки, которую полгода назад прислала Оксана. Оксана в ноябре выходила замуж. Пачка лежала в шкафчике. Что будет с ней после ноября — Павел пока не решал.

Дверь санузла открылась. Шаги пошли обратно — один тапочек громче, — прошли мимо столовой. Дверь каюты закрылась.

Павел отпил. Чай обжёг край языка. Это было хорошо: маленькое, понятное, с которым ничего не требовалось делать.

За двойным остеклением в темноте шёл снег. Ветер гнал его мимо столовой плоскими косыми слоями. Снежинки попадали в жёлтый конус света у входной двери, мелькали и уносились. Вверху у рамы тонко подрагивала паутинка — её не сметали: паук, заведшийся в углу в

октябре, считался на станции приметой на удачу. Норвежские техники над приметой смеялись и сами её не трогали.

Павел допил, сполоснул кружку холодной водой, поставил вверх дном на общую полку — чтобы утром первый, кто придёт, мог её взять. На стене у раковины висел график дежурств по кухне, с прошлой недели не обновлённый. Поверх, рукой Кларенса: Please replace by Sunday. Сегодня была среда.

В коридоре он прошёл мимо двери Мэри. Света под ней уже не было.

В своей каюте он снял куртку, выложил из её кармана тёплый ещё сгоревший модуль — на стол, рядом с инструментом. Лёг не раздеваясь. Смотреть в потолок сегодня не стал: в потолке у него тоже была трещина, как у всех, и в эту ночь он на неё смотреть не хотел.

Он повернулся лицом к стене. Перегородка у него с соседней каютой была та же спецификации — тридцать восемь децибел. За ней сегодня было тихо.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТЕСНО

Глава 5. Первый снег в коридоре

Ли Вэйчжоу проснулся от того, что свет в углу потолочного светильника изменился.

Он лежал и смотрел в потолок. Вчера в этот час светильник горел холодным белым диодом; сегодня — жёлтым, с лёгким красным смещением. Закрыв глаза, открыл. Свет не сменился. Переключили спектр, значит. Ингрид говорила за ужином, что пойдёт в течение недели, по секторам; его сектор прошли ночью.

Отец в Нинбо включал лампу с жёлтым абажуром в пасмурные утра и говорил, что она нужна для чтения, а не для настроения. Лампа была настольная, советского производства, отец получил её в наследство от собственного отца, учителя математики. Ли в детстве думал, что лампа включается, когда отцу плохо видно; в юности понял, что она включается по настроению; в сорок пять лет, в Арктике, понял, что лампа включается по утрам, когда снаружи тревожно и надо, чтобы в комнате было устойчиво. Потолочный светильник станции теперь горел тем же жёлтым.

Он посмотрел на часы: семь двадцать три.

Сел. Линолеум был прохладный. Ли опустил ноги и нашёл тапочки — чёрные, с овечьей подкладкой, сунутые ему в чемодан Чэнь Лили год назад. «На Шпицбергене ноги мёрзнут у всех, даже у норвежцев». Надел тонкий спортивный свитер с университетским логотипом Nottingham, в котором спал уже пятый год, и прошёл к столу.

На столе лежал закрытый ноутбук с тонким красным шнурком, обёрнутым вокруг петли — привычка из студенчества. Термос, пустой с вечера. Две тетради. Стопка распечаток по последней статье Виктора о негравитационных возмущениях. Телефон экраном вниз. Ли положил ладонь на телефон и подержал секунду, не поднимая. Эту привычку за собой не замечал, пока однажды Чэнь Лили по видеосвязи не отметила: «Вэй, ты всегда с ним здороваешься, прежде чем читать».

Он поднял телефон.

Девятнадцать непрочитанных в семейном чате. Шестнадцать — от Нин-нин, дочери, которая всю неделю писала ему в реальном времени про первый тур отбора в Пекинский. Разница во времени была ровно шесть часов, и её экзамены совпадали с его обеденным перерывом.

Ли открыл чат. Последнее сообщение — шесть сорок семь по-местному, двенадцать сорок семь дня по Пекину.

папа я прошла первый тур
результат утром на сайте висит с девяти
мама плакала
я не плакала
я просто пошла есть лапшу

Фотография: тарелка ламяня, красное масло, два зелёных пера лука, сверху, на фоне пластикового столика в столовой рядом с их домом. Ли смотрел на тарелку дольше, чем на слова. Масло было с ферментированными бобами — он мог бы сейчас назвать, у какого лаобаня Нин-нин его покупает, — но называть не стал.

Напечатал: хорошо. Я горжусь. Маме передай — я её тоже.

Стёр.

Напечатал: молодец.

Отправил. Галочка «доставлено». Через несколько секунд — «прочитано». Нин-нин была на связи. Значит, сидит с телефоном.

Ответа не пришло.

Ли положил телефон обратно экраном вниз. Встал, подошёл к окну. За окном — плотная темнота, без звёзд; солнце не поднималось над горизонтом с прошлой среды, и утро от ночи отличалось только тем, что в коридоре начинала работать столовая. Через перегородку слышно было, как хлопнула дверь, кто-то шаркнул в тапочках, зашумел чайник. Шаркал Кларенс — у него шаг был равномерный, методичный, ни одного лишнего полушага.

* * *

В общей к восьми двадцати уже было пусто наоборот, чем обычно: не от людей, а от света. Ли задержался на пороге, чтобы понять, что изменилось.

Освещённость упала. Ингрид вчера обещала: «тёплый спектр плюс пятнадцать процентов вниз, чтобы поддержать циркадный ритм без солнца». На практике лица за столом стали другими. У Мэри — мягче, старше на несколько лет. У Виктора — задумчивее, резче тени под глазами. У Айши — теплее, с той золотистой кожей, которую она в северном белом как будто прятала.

Ли сел на своё обычное место — справа от Ингрид, у края, спиной к окну.

— Все? — спросила Ингрид.

— Кларенс в кухне, — сказала Мэри. — Он слышал.

— Начнём.

Кларенс вошёл с кофейником, сел. Ингрид открыла ноутбук.

— Сьюй Мэй. Ночь.

Сьюй Мэй, в той же серой водолазке, что третий день, открыла блокнот.

— Штатно. Четырнадцать проходов. На А-два в два сорок опять обледенение, Чжан сегодня после обеда. Новых объектов — девятнадцать автоматически, три под уточнение. Ничего... — короткая заминка, — ничего выдающегося.

Ли отметил паузу. Сьюй Мэй избегала слова «странного» уже вторую неделю — с тех пор как Виктор в начале октября попросил её при остальных этим словом не пользоваться. Ли тогда не спросил зачем. Сейчас, глядя, как Сьюй Мэй находит замену, решил, что спросить всё-таки придётся.

— Техника, — сказала Ингрид. — А-три.

Ларс поднял глаза от кружки.

— Что А-три.

— Чжан вчера ночью её поднимал, проверял привод. Вернул в ждущее. Тарелка стоит не там, где должна.

— Сколько?

— Восемь по азимуту.

Ларс на секунду подобрал челюсть — коротко, едва заметно. Ли увидел это через стол и понял: Ларс услышал не сейчас. Он это заметил сам, раньше, но уговорил себя, что показалось.

— Восемь — много.

— Да.

— Павел?

— После обеда, — сказал Павел, не поднимая глаз от своей кружки. — Чжан пойдёт со мной.

— Иди.

Ингрид перешла дальше — рекуператор, связь, метеорология. Метеоданные читал Рауль, потому что они лежали в его ведении. Читал быстро, со своим испанским ритмом: snow tonight, up to ten, wind three to five, visibility reduced. Ли за два года привык к его английскому, но английский Рауля всё равно оставался для него на чуть-чуть чужим — не грамматикой, а музыкой.

Кларенс дождался своей очереди и вступил с тетрадью.

— Ларс. По графику дежурств.

Ингрид сбоку у Ли на полвдоха задержала дыхание. Ларс ответил ровно:

— Слушаю.

— В среду и в четверг дежурства операторской опять сдвинулись. Елена за Нину, Нина за Елену.

— Согласовано между ними.

— В электронном графике не отражено.

— Отразим к вечеру.

— К вечеру — это задним числом.

— Да.

Пауза. Ли понял, к чему Кларенс идёт. С прошлого понедельника Кларенс писал Ларсу короткие записки по ротации; Ли как-то случайно видел одну на раздатке, забытую. Каждая начиналась с «As a reminder».

— Мы это обсуждали, — сказал Ларс.

— Обсуждали. Бумажный график — рабочий, электронный — отчётный. Я своё решение подтверждаю.

— Ларс.

— Да.

— Повторные отклонения от отчётного графика — категория В по KSAT. Должны быть в квартальном.

Ингрид выдохнула через нос коротко, жёстко. Сказать ничего не сказала.

— Квартальный отправлен во вторник, — сказал Ларс. — Без отметки.

— Я про следующий.

— Отметим, если будет систематическим.

Ларс произнёс «систематическим» с той своей сухостью, с которой переводил разговоры в зону, где определений нет. В норвежском документе KSAT стояло «systematisk», и покрывало оно что угодно, от трёх повторений до ста; в переводном английском — ещё шире.

Кларенс закрыл тетрадь — не резко, аккуратно, как человек, понимающий, что тетрадь ещё пригодится.

— Хорошо. Запишу как отмеченное.

— Запиши.

Ингрид открыла следующий пункт. Ли посмотрел в свою кружку. В кружке остыл чёрный чай со станционным металлическим привкусом, к которому он за два года так и не привык.

* * *

После брифинга Ли пошёл к Ли.

Он так это называл про себя — «иду к Ли», — потому что его имя и название лаборатории совпали случайно. Lab Li, второй этаж, северное крыло, числилась по инвентарю как Lab L — инициал предыдущего арендатора, американца Лоуренса, работавшего на станции в семнадцатом-девятнадцатом. Все давно читали её как «Li». Ли не возражал.

Лаборатория была длинная, узкая, с двумя рабочими станциями у окна, с доской во всю стену и чайником в углу. Сегодня в ней уже кто-то был: Ли понял по запаху. Пахло крепче, чем из машины внизу, — здесь был маленький капсульный, который Чжан привёз в прошлом феврале. Чжан сидел за своим столом боком, с двумя открытыми ноутбуками.

— Доброе утро, — по-китайски.

— Доброе.

— Я забрал твой кофе.

— Почему.

— Машинка внизу меня не слушает. Третий раз за неделю.

— Она никого не слушает.

— Меня особенно.

Ли подошёл. На первом ноутбуке у Чжана шёл терминал с Ka-цифрами, на втором была открыта почта. В углу второго экрана, свёрнутое, мерцало окно WhatsApp. Ли заметил и не стал смотреть. Они работали вместе уже второй год. Чжан был его аспирантом в Нанкине до Шпицбергена, потом стал младшим коллегой по договору с KSAT; в разговоре они близкими не были. Расстояние, которое в китайской академической культуре сохраняется независимо от реальной близости, Ли ценил; в Европе оно нигде не работало, здесь работало ещё.

— Дочь прошла первый тур.

Чжан поднял глаза. Лицо на секунду посветлело.

— Когда?

— Утром. В Пекине — обед.

— Поздравляю. Чэнь Лили как?

— Плакала.

— Нин-нин?

— Пошла есть лапшу.

Чжан засмеялся — коротким, сухим, понимающим смехом человека, который сам однажды пошёл есть лапшу после какого-то решающего результата.

— Значит, уверена.

— Или устала.

— И уверена, и устала. Это хорошо.

Ли кивнул. Сел за свой стол. Открыл ноутбук. На рабочем была открыта таблица Excel с астрометрией по 2247 — Сюй Мэй выгрузила для него в прошлый понедельник, и с тех пор Ли смотрел в неё каждое утро, не находя в ней ничего, чего бы не знал.

— Ты сегодня не в радоме? — спросил Чжан.

— После обеда. Сейчас надо Виктору написать.

— Про А-три мы идём с Павлом.

— Я не про сегодняшнюю А-три. Я про то, что её вчера поднимали, и тарелка не там.

Чжан помолчал.

— Это я её не поставил. Поднимал, проверял. На возврате привод заел. Не дошёл на семь градусов. Я решил, что с Павлом завтра — смысла в ночь вызывать не было.

Ли посмотрел на него. Чжан сидел спокойно, без тени смущения, как человек, принявший технически правильное решение.

— В журнал записал?

— Ещё нет. Сейчас.

— Запиши.

Чжан кивнул, открыл терминал с журналом, начал печатать.

Ли посмотрел на свой экран. Ему было важно не про А3 как технику, а про то, что Ларс на брифинге о приводе не знал. А значит, Чжан вчера вечером ничего Ларсу не сообщил. А значит, Ларс узнал о заедании при всех — и у Ларса в углу рта было то самое короткое движение, которое Ли видел у него последние две недели всё чаще. У человека, который чувствует, что станция начинает понемногу ускользать из-под него — не из-за большого, а из-за мелкого несказанного, что по отдельности мало для тревоги.

Ли написал Виктору по внутренней почте:

Виктор, до того, как Павел сегодня поднимется на А-3, хотел бы обсудить перепроверку 2247. Если найдётся полчаса — я в лаборатории. Ли.

Свернул почту.

— Чжан.

— Да.

— Мне надо, чтобы в журнале было записано: «Привод возврата — заело; требуется осмотр». Без твоего имени исполнителем.

Чжан поднял голову.

— Почему.

— Потому что на станции некоторые вещи лучше оставлять общими. Если напишешь «Чжан проверял и не довёл», кто-то потом вспомнит это не вовремя. «Заело при возврате» — это диагностика. А «Чжан» — уже ошибка.

— Я её не до конца проверил.

— Ты её проверил. Привод заел. Ты ушёл. Это штатная ситуация. Никто не обязан стоять у заевшего привода в два часа ночи и звать Павла.

— Ли Вэйчжоу.

Чжан сказал полным обращением. Впервые за утро.

— Это будет похоже на то, что я скрываю.

— Это не скрывание. Это формулировка.

— Это одно и то же.

Ли помолчал.

— Напиши как считаешь нужным, — сказал он. — Только напиши сегодня.

— Напишу.

Чжан повернулся к экрану. Набрал несколько строк. Сохранил. Закрыв терминал. Вернулся к своим Ка-цифрам.

Ли смотрел на свой Excel. Через минуту Чжан, не оборачиваясь, сказал:

— Я написал: «обнаружено заедание привода на возврате; исполнитель — Zhang; рекомендовано осмотр с Павлом сегодня». Если считаешь, что так хуже, — перепишу.

— Нет, — сказал Ли. — Так лучше.

— Почему.

— Потому что это правда.

Чжан кивнул. Больше ничего не сказал.

* * *

В десять пятнадцать у кабинета Ларса — через две двери от лаборатории — в коридоре пошли голоса. Два. Ингрид и Ларс.

Ли встал, чтобы закрыть дверь лаборатории: Чжан утром шёл за капсулами и забыл её закрыть. Пока Ли шёл до двери, до него дошли две фразы, и на второй он остановился.

— ...ты знал, — сказала Ингрид. Голос ровный, с той жёсткой норвежской интонацией, которую Ли научился различать: это было не просто недовольство, а жёсткое, в котором Ингрид решила не сдерживаться.

— Я знал не это.

— Ты знал, что я просила пересмотреть график техобслуживания в сентябре.

— Просила, да.

— Ты не пересмотрел.

— Не пересмотрел.

— А потом А-три вчера ночью встала не на восемь градусов случайно.

— Это не связано.

— Ларс, это связано. Если бы шло по моему графику, привод бы осмотрели три недели назад.

— Ингрид, я не могу принять «связано» без доказательств.

— Тебе нужны доказательства?

— Мне нужно, чтобы мы работали по процедуре, а не по догадкам.

— Это не догадки.

Ли стоял у своей двери. Слушать дальше было неправильно — в том китайском смысле, в котором бабушка в Нинбо объясняла ему в шесть лет, что случайно услышанный чужой разговор надо либо не слышать, либо помочь. Помочь Ли здесь не мог, значит, должен был не слышать. Он осторожно прикрыл дверь. Щелчок замка вышел громче, чем он хотел.

Разговор за двумя стенами на секунду стих. Потом пошёл тише.

Ли вернулся к столу. Чжан посмотрел на него через плечо.

— Слышал?

— Слышал.

— Она права?

— Думаю, да. И думаю, Ларс прав в том, что без доказательств это в отчёт не пишется.

— Два правильных одновременно.

— На станции так бывает часто.

Чжан хмыкнул.

— Моя бабушка говорила: если два правильных — пей чай и думай дальше.

— Умная бабушка.

— Её звали Чжан Мэйхуа.

Чжан достал телефон, показал фотографию. Старушка в синем ватнике, на фоне рисового поля в Хэнани, лет семидесяти пяти. Улыбается одним углом рта, второй строже. Руки сложены впереди, пальцы чёрные от земли.

— У меня дома была похожая, — сказал Ли. — По материнской линии. В Нинбо. Чжоу Яньпин.

— Долго жила?

— До девяноста двух.

— Моя — до восьмидесяти шести.

Помолчали. Чжан убрал телефон. Ли вернулся к экрану.

* * *

Обед прошёл быстро. Ли ел за дальним столом, один: хотел один.

* * *

В два часа пришёл ответ от Виктора.

Зайду в пятнадцать. В.

Ли кивнул экрану, словно Виктор мог видеть.

В пятнадцать ноль три Виктор постучал — один короткий удар. Ли впустил. Виктор вошёл, закрыл дверь полностью, сел в кресло напротив.

— Рассказывай.

Ли открыл файл. Развернул на двух экранах. Виктор смотрел минуту без вопросов. Потом:

— Сюй Мэй добавила точки на тридцати.

— Добавила. Позавчера.

— И?

— Эксцентриситет упал. С единицы ста двадцати трёх тысячных до единицы восемнадцати.

— То есть рефракция.

— В большей части. Процентом на восемьдесят.

— А двадцать?

— Двадцать — на то, что объект идёт по гиперболической. С меньшим эксцентриситетом, чем нам казалось в октябре. Но с эксцентриситетом больше единицы.

— На сколько больше.

— На восемнадцать тысячных.

Виктор помолчал. Смотрел в окно.

- Ли. Восемнадцать тысячных — это в пределах погрешности.
- Погрешности астрометрии — да.
- Я имею в виду всей цепочки. От приёма до матрицы пересчёта.
- Знаю. Но восемнадцать — это наша погрешность. У Гавайев другая.
- Может.
- Запросим?
- Подумаю.

Виктор сказал «подумаю» так, как говорил «подумаю» за два года Ли шесть раз, и шесть раз это означало «нет, но я тебе это скажу не сейчас и не прямо». Ли кивнул.

Виктор не встал. Смотрел в окно.

— Ли.

— Да.

— Про восемнадцать тысячных — никому. Пока. До Гавайев — точно. И после Гавайев — тоже подумаем.

— Я понимаю.

— И сам не говори. Даже Чэнь Лили.

— Не скажу.

Виктор постоял ещё секунду и добавил, уже другим голосом, не рабочим:

— У тебя дочь, да? Нин-нин?

— Первый тур утром.

— Прошла?

— Прошла.

— Поздравляю. Второй?

— Через три недели.

— Чэнь Лили держится?

— Плакала. Но держится.

— Обычное дело.

Виктор кивнул и вышел.

* * *

В семь вечера Ли сидел на койке с телефоном. Чэнь Лили позвонила в семь ноль восемь — это было четверть второго по Пекину, её обычное окно, середина дневной смены в школе, между уроками.

— Как ты.

— Нормально. У тебя?

— Устала. Нин-нин пришла из школы в полдень, сегодня отпустили. Спит.

— Не ела?

— Села на кровать и упала. Не раздевалась. Я не стала будить.

— Хорошо, что уснула.

— Да.

Чэнь Лили помолчала.

— Вэй.

— Что.

— Не хотела говорить. Но надо.

— Говори.

— Тётя Лань сегодня сказала, что у Ху в Пекинском теперь новая аспирантка.

— У Ху всегда новые.

— Эта из Нанкинского.

Ли помолчал.

Профессор Ху был тем человеком, который двенадцать лет назад взял Ли на кафедру в Пекинском и с которым Ли проработал три года до того, как ушёл в Нанкин из-за истории, о которой Чэнь Лили знала в общих чертах и о которой не спрашивала. Из Нанкинского у Ху аспиранток раньше не было.

— Из нашего?

— Да.

— Тётя Лань откуда знает?

— Она в деканате.

— Знаю.

Они помолчали.

— Если Нин-нин не пройдёт второй тур, ты уже думал, что будем делать?

— Пройдёт.

— А если нет.

— Тогда будем думать.

— У меня ощущение, что ты не хочешь думать.

Ли помолчал.

— У меня ощущение, что я не могу сегодня об этом думать.

— Почему.

— Потому что сегодня у меня на работе был тяжёлый день.

— У меня тоже.

— Я знаю.

Помолчали. В её тишине Ли слышал лёгкий уличный шум из её окна — со стороны дороги, по которой мимо их дома в это время всегда шли школьники из второй смены. Шорох велосипедных шин, короткие голоса, смех. Это был звук из его собственного детства — когда он сам был таким школьником, с велосипедом и папкой за спиной, и ещё ничего не знал ни о профессоре Ху, ни о Нанкине, ни о Шпицбергене.

— Спи, — сказала Чэнь Лили. — Я завтра позвоню.

— Спи.

Она положила трубку.

Ли посидел с телефоном в руках ещё минуту. Потом встал, подошёл к окну.

За окном шёл снег. Первый снег сезона — не тот мелкий, что начался неделей раньше, а настоящий, медленный, плотный, какого в Нанкине не бывало никогда. Снежинки падали косо, ветром их несло вдоль стены. Ли прислонился лбом к холодному стеклу и смотрел, как они проходят мимо окна, одна за одной, без остановки.

На столе тихо звякнул телефон. От Нин-нин.

папа

я проснулась

спасибо что написал утром

мама плакала опять но это хорошие слёзы

я тебя люблю

Ли стоял у окна ещё минуту. Потом напечатал:

я тебя тоже люблю. Спи хорошо. Во втором туре тоже пройдёшь.

Стёр последнюю фразу. Отправил.

В коридоре за стенкой кто-то пошёл по линолеуму в мягких тапочках — два шага, остановка, ещё три. Ксавьер. Вечерняя стирка.

Ли лёг. Свет в каюте на потолке был по-прежнему тёплый, жёлтый, с лёгким красным смещением. Ли посмотрел на него ещё раз и выключил ночник.

Снег за окном продолжал идти.

Глава 6. Сломалась посудомойка

Посудомойка начала шуметь ещё в воскресенье вечером — тонкий высокий звук, похожий на застрявшую между стёклами пчелу. Айша услышала первая: в воскресенье она дежурила по кухне и загружала последнюю партию к ужину — тарелки с остатками карри, которое сама и сварила, двенадцать чашек из-под чая, три кастрюли, один противень. В кухне больше никого не было, все уже сидели за столами, и Айша работала одна, одним ухом ловя общий гул из столовой, другим — машину.

Пчела не прошла через полоскание.

Айша присела на корточки, приложила ладонь к боковой стенке. Стенка была теплее обычного — но не горячая: так бывает у свежезакипевшего чайника, не у неисправной машины. Она послушала ещё. Звук шёл ровно, чуть дрогнув на такте помпы. Не двигатель, не нагреватель. Подшипник. Тот, что, когда разбивается, даёт ровно такую пчелу.

Она дождалась конца цикла — ещё сорок две минуты, — выгрузила посуду (всё было чисто, карри отмылось первой попыткой) и пошла в столовую искать Павла.

Павел сидел за угловым столиком с тарелкой риса. Рядом — Виктор и Кларенс; у троих было по короткой тарелке и короткий разговор, которые Айша за полгода научилась не прерывать без повода. Она подошла, остановилась в метре от стола, подождала.

— Айша, — сказал Павел, не поднимая головы. — Ты стоишь.

— Пчела.

— Какая пчела?

— В посудомойке.

Павел поднял голову. Кларенс тоже — и по короткому вопросительному движению бровей стало ясно, что слово «пчела» в его словаре сегодня не звучало ни разу. Виктор не обернулся.

— Пчела — это про звук?

— Про подшипник, думаю.

— Когда началось?

— Последняя загрузка.

— Зайду после ужина.

— Nakuna matata, — сказала Айша и пошла к двери.

В дверях услышала, как Виктор сказал Павлу по-русски что-то короткое, и как Павел отозвался одним словом — смешным, видимо; Кларенс засмеялся с той небольшой задержкой, с которой всегда смеялся, когда шутка шла не по-английски, а он всё равно хотел быть частью.

* * *

В понедельник в семь двадцать Айша пришла на кухню. Посудомойка стояла с распахнутой дверцей, с выдвинутой нижней корзиной; на полу лежало старое полотенце — не станционное, а то, что Павел возил из дома и использовал как подложку под инструмент. Самого Павла не было.

Айша подошла. Под корзиной был снят кожух двигателя. Внутри было мокро — после долгого цикла на дне всегда оставалась вода, — и в этой воде лежало что-то чёрное, длинное, согнутое, похожее на подгоревшую спичку. Она подняла. Резиновый уплотнитель, вытянутый в жгут, с рваным краем. Жирный на ощупь.

Она положила его обратно, но не на то место — чуть в сторону. Вернётся Павел, заметит. Пусть спрашивает — зачем.

Чайник на раздатке уже шумел. Айша налила себе кружку, положила пакетик — станционный чёрный, не свой, — и пошла в угол, где стоял её собственный термос, привезённый

из Найроби: маленький, железный, с цветочным орнаментом, которого больше ни у кого на станции не было. Сунула в него два пакетика наперёд, на крепкий обеденный.

В кухню вошёл Чжан.

— Ни хао.

Он здоровался с ней так каждое утро с сентября — с тех пор как узнал, что в Найроби Айша ходила на короткие курсы при Институте Конфуция. Правила их игры были молчаливые: Чжан по-китайски, Айша отвечает по-английски с кенийским акцентом, и раз в неделю выдаёт одну фразу по-китайски, а Чжан каждый раз делает вид, что впервые слышит.

— Morning.

Чжан посмотрел на разобранную машину.

— Павел?

— Павел. Пчела.

— Что за пчела.

— Я думала — подшипник. Оказалось, может, и уплотнитель.

Чжан наклонился, заглянул. Тихо сказал что-то себе по-китайски, с пониманием. Айша смотрела на него сбоку. Двадцать восьмого сентября она в первый раз поймала себя на этом — на том, что смотрит на Чжана чуть дольше, чем нужно, когда он наклоняется или шурится. Третью неделю отгоняла. В это утро, с жёлтым потолочным светом нового спектра, с одной неприбранной прядью у щеки, с Чжаном на корточках у машины, в расстёгнутом пуховике, — отгонять снова не получилось.

Она налила кипятка в кружку, не глядя на него. Пар пошёл в лицо. Когда Чжан выпрямился, Айша уже смотрела в окно — туда, где в темноте ничего не было, кроме одинокого жёлтого фонаря над входной дверью.

— Я зайду к Павлу после обеда, — сказал Чжан. — Если нужна помощь.

— Он попросит сам.

— Может быть.

Чжан ушёл. Айша допила чай у окна, стоя.

* * *

На утреннем брифинге Ингрид не было. Вела Мэри — бегло, слегка торопясь, с той интонацией занятого человека, у которого день расписан на пятнадцатиминутные блоки и он не хочет, чтобы один съел другой. Айша слушала про метеорологию, про ночные проходы, про Ка-тракт, и одновременно тихо смотрела через стол на Чжана. Чжан сидел рядом с Ксавьером, вполоборота. Когда Мэри сказала «Павел — посудомойка?» — Чжан чуть сдвинул плечо, как от неожиданно близкого звука.

— На ремонте, — сказал Павел. — До среды, возможно. Подшипник и уплотнитель. В Лонгйире запчастей нет, заказал из Тромсё — утренним рейсом, если не задержат.

— Пока вручную? — спросила Мэри.

— Пока вручную.

— Кто?

— По графику, — Кларенс открыл тетрадь. — Сегодня Ксавьер. Завтра Рауль. В среду — я.

— Ксавьер, ты не против?

— Не против, — сказал Ксавьер.

Он сказал это ровным спокойствием, по которому Айша за полгода научилась различать у него три состояния. Когда он действительно не против. Когда немного против, но уступает. И когда против и уступает нехотя. Сегодня было третье — и не из-за посудомойки. По утренним гитарным аккордам из его каюты через перегородку (её каюта была через стену) уже неделю не было ни одного ровного мажора. Сегодня утром аккордов не было вообще.

— Ксав, если трудно — скажи.

— Всё нормально.

Мэри кивнула, пошла дальше.

— Чжан. А-три.

Чжан поднял голову. Помолчал секунду.

— Привод осмотрели вчера с Павлом. Заедание при возврате. Вероятно, менять редуктор.

— Есть в ЗИПе?

— Есть. Замена — два человека, полдня, плюс демонтаж зеркала не обязательно, если повезёт.

— Повезёт — это сколько?

— Семьдесят процентов.

— Когда?

— В четверг, если погода.

— Погода будет, — сказала Мэри. — До субботы.

— Тогда в четверг.

Мэри записала. Чжан посмотрел в свою кружку, поднял её, отпил. Движение короткое и обычное — но Айша увидела в нём ту микропаузу, которая у Чжана появлялась, когда он был задет. Паузы не было ни вчера, ни позавчера.

Она не сразу поняла, с чем пауза связана. Поняла, когда Павел, уже в конце брифинга, в «разном», негромко сказал — не Чжану, а Ксавьеру через стол:

— Ксав. Если в среду с посудомойкой всё ещё будет цирк — помоги мне с ней полтора часа. У тебя руки из нормального места. У некоторых другое.

Сказано было общо. Никто не назван. Но Чжан сидел через одного от Павла, и Чжан вчера не смог вернуть А-три в ждущее.

Айша поймала глазами Чжана. Чжан смотрел в стол. Неподвижно.

— Ок, — сказал Ксавьер. — В среду.

Мэри, не заметившая ничего, закрыла ноутбук.

— Спасибо.

Стулья двинулись. Чжан встал первым — быстро — и вышел, не посмотрев ни на Павла, ни на Айшу, ни на кого.

* * *

На обеде Чжана не было.

Айша заметила не сразу: сначала пришла позже обычного, дежурила с Раулем по раскладке, потом за столом было плотно и весело — Габор вернулся после недельной поездки в Лонгйир, куда ходил по административным делам, и рассказывал, что в Лонгйир прилетел экипаж с мороженой рыбой из Тромсё. Рыба была несвежая, и весь его рассказ сводился к тому, что теперь в Лонгйире эту рыбу не едят, а едят ту, что в магазине «Спутник», у норвежца, по советским рецептам.

Айша смеялась со всеми, но краем глаза поглядывала на дверь. Чжан не вошёл. Она подождала двадцать минут и вполголоса спросила у Ксавьера:

— Чжан где?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.